

ЖЕЛЕЗНЫЙ КОГТЕВ

РЕЖИССЕР

Резонанс

Павел Корнев

Резонанс

«Автор»

2021

Корнев П. Н.

Резонанс / П. Н. Корнев — «Автор», 2021 — (Резонанс)

Тебе семнадцать. Позади гимназия, впереди жизнь от зарплаты до зарплаты и служба то ли счетоводом в бухгалтерской конторе, то ли телеграфистом на почте. А, быть может, ссылка или даже каторга – если решишь добиваться лучшей доли на митингах и в уличных стычках с политическими оппонентами. Ну и как тут упустить возможность не только одним махом возвыситься над обывателями-мещанами, но и превзойти снобов-аристократов и богатеев-капиталистов, способных купить всё, только не способность управлять сверхэнергией? Правда, не купить её и тебе – придётся рискнуть и пройти инициацию. И пусть при неудаче немал шанс угодить в сумасшедший дом, игра точно стоит свеч, ведь лишь сила и власть способны даровать человеку истинную свободу. Увы, всегда найдётся кто-то хитрее, наглее и крепче, и стремление к свободе запросто может обернуться не только упорной работой над обретением могущества, но и бескомпромиссной борьбой за выживание. Как бы не пришлось на первых порах спать вполглаза и с заточкой под подушкой...

© Корнев П. Н., 2021

© Автор, 2021

Содержание

Часть первая: Инициация	5
Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	24
Глава 4	41
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Павел Корнев

Резонанс

Часть первая: Инициация

Первый резонанс у каждого уникален и неповторим.

И речь вовсе не о том, что кто-то входит в это состояние легко и непринуждённо, а кого-то цепляет лишь на самых последних витках. Дело в эффекте. Одни начинают видеть звуки и чувствовать на вкус слова, другие обретают способность ощущать эмоции или принимать радиосигналы. Но иной раз голоса незримых собеседников в голове – лишь галлюцинации и не более того. Не самый плохой вариант, для окружающих – так уж точно.

Бывает, соискатели делаются источниками теплового или электромагнитного излучения. Один такой уникал как-то даже запёк себя и пару товарищей собственными микроволнами, прежде чем санитары успели распознать побочный эффект резонанса и усыпить его хлороформом. Именно поэтому стихийных пирокинетиков сначала гасят инъекцией транквилизаторов и лишь после этого тушат – их самих и всё кругом.

Но подобных случаев от силы один-два на тысячу, они погоды не делают. Куда чаще люди оказываются неспособны выбраться из транса самостоятельно, и под воздействием сверх-энергии их организм идёт вразнос. На моих глазах у человека взорвалась голова, и это ещё повезло, что соседей просто забрызгало кровью и заляпало вскипевшим содержимым черепной коробки; всё могло закончиться куда как хуже – для нас, не для него.

А вот сам я в свой первый резонанс ничего необычного не ощутил. Вообще ничего не ощутил – одну лишь абсолютную тишину, поглотившую не только рык мощного автомобильного движка, шуршание гравия под колёсами и гул встречного потока воздуха, но и весь окружающий мир без остатка и меня вместе с ним.

– Два кубика кофеина! Быстрее коли! Да шевелись ты! Если ещё и этот загнётся, не только мне – всей бригаде головы поотрывают! Ну что за выезд сегодня такой, ещё и на десятый виток пошли...

Глава 1

Железнодорожный вокзал Зимска оказался неожиданно большим и просторным для захудалого провинциального городка – по сути, разросшейся станции трансконтинентальной магистрали. За последнюю неделю мы успели вдоволь насмотреться на эти утилитарные одноэтажные строения, возведённые если и не по одному типовому проекту, то похожие друг на друга словно близнецы.

Другое дело – здесь. Основательное каменное здание в два этажа с просторным залом ожидания, газетным киоском, палаткой с газированной водой, буфетом и не обычной для вокзалов закусочной, а полноценным рестораном.

Но это всё не для нас. Не для меня – так уж точно. Выделенная на поездку сумма, казавшаяся столь внушительной поначалу, разошлась на удивление быстро, и теперь все сбережения составляли мятая трёшка с мелочью да талон на питание в вагоне-ресторане, действительный по завтрашнее число.

От мысли о неизбежном возвращении домой в случае неудачи с инициацией неприятно засосало под ложечкой, усилием воли выбросил её из головы.

Нет, нет и нет! Статистика на моей стороне!

Посетивший гимназию рекрутёр ясно дал понять, что отбраковывался лишь каждый десятый соискатель, и не было никаких причин не верить его словам. Как и ставить под сомнение собственную удачу.

Всё будет хорошо!

Ну а пока было просто жарко. Ещё совсем недавно зал ожидания заполняли наши многочисленные попутчики, но четверть часа назад ушёл очередной пассажирский экспресс на Новинск и стало свободней, удалось даже занять пару соседних скамей. А вот духота никуда не делась: зависшее в зените июньское солнце жарило просто нещадно, и от распахнутых настежь дверей и окон не доносилось ни единого дуновения ветерка. И на улицу подышать свежим воздухом тоже было не выйти: всех возжелавших покинуть здание соискателей заворачивали обратно жандармы железнодорожного корпуса. В оцепление вокзала пригнали целое отделение, посреди замощённой брусчаткой площади и вовсе прокаливался на солнцепёке двухосный броневик.

Ладно хоть ещё имелась возможность утолять жажду из фонтанчика с питьевой водой, иначе пришлось бы тратиться на сидро. Говорят, в такую погоду куда лучше пить чай, но и без того уже взопрел в своей гимназистской форме, напьюсь горячего – и окончательно пропотею.

Я вздохнул и попытался незаметно для окружающих оправить штанины, ставшие слишком короткими задолго до выпускных экзаменов и получения аттестата. С рукавами гимнастёрки дела обстояли ничуть не лучше, но ничего более представительного в моём гардеробе попросту не было, и не имелось никакой возможности купить лёгкий летний костюм, как у сидевшего по соседству на жёсткой лавочке Лёвы Ригеля. Ну а нарядиться по примеру Аркадия Пасечника в рубаху-поло, просторные прогулочные брюки, сетчатые теннисные туфли и панаму не хватило бы ещё и духу.

Гимнастёрка в какой-то мере добавляла солидности, а так, в отличие от плечистого товарища, выглядел бы даже не пацаном, а мальчишкой в коротких штанишках. Пусть за последний год заметно вытянулся, шириной плеч и крепостью сложения не приблизился к Аркаше даже близко. Он и брился уже не как одноклассники от случая к случаю, а каждый день.

Я взял за лакированный козырёк фуражку, несколько раз обмахнулся ею и вернул обратно на голову.

– Жарко, – сказала Лия.

Разобрать, вопрос это или утверждение, не удалось, поэтому неопределённо кивнул и вновь уткнулся в книгу, но сразу украдкой глянул на занимавших скамью напротив девушек.

Инга – спортивная, стройная и подтянутая, была в белой юбке до колен и синей блузе. Русые волосы она стригла вызывающе коротко, а цвет глаз за всё время нашего знакомства так и не определил; просто не решался присматриваться, опасаясь встретиться взглядом. Лицо с высокими скулами и широким ртом кому-то могло показаться излишне жёстким, но впечатление это было обманчивым. Переполюнявившая девушку внутренняя сила делала её ярче и привлекательней всех, кого я только знал.

Симпатичная и смешливая Лия со своим вздёрнутым носом, милыми ямочками на щеках и рассыпавшимися по плечам кудряшками каштановых волос на фоне подруги терялась примерно так же, как по всем статьям мы с Лёвой проигрывали Аркаше.

Впрочем, «мы» – это громко сказано. В отличие от меня, Лев был, скорее, сухопарым, а не откровенно худым. По сути, объединяли нас лишь любовь к чтению, близорукость и ячейка февральского союза молодёжи. Хотя, если разобраться, значение имело лишь последнее обстоятельство: алые, с голубой каймой значки, нёсшие на себе аббревиатуру этой организации, украшали одежду всей нашей пятёрки.

– Что читаете? – спросила вдруг Инга.

Мы с Львом приподняли книги, демонстрируя обложки.

– Неожиданно! – не удержалась от удивлённого возгласа Лия.

Лёва листал последний номер журнала «Вокруг света» с броским, пусть при этом и совершенно безграмотным подзаголовком «В поисках четырнадцатого Эпицентра» и счёл нужным уточнить:

– И почему же?

– Ой, да с тобой всё понятно! – отмахнулась Лия. – А вот за Петей не замечала раньше тяги к точным наукам.

Я с деланой беспечностью пожал плечами и приготовился отложить книгу, если кто-то вдруг решит заглянуть через плечо, но никого задачник по физике для техникумов не заинтересовал. Не интересовал он и меня, просто учебное пособие наилучшим образом скрывало вложенный внутрь детектив с роковой красоткой на обложке.

– И что интересного пишут? – поинтересовалась Лия, понятное дело, вовсе не содержащим задачника.

Лев опустил журнал и с готовностью произнёс:

– По одной из версий наш Эпицентр пусть и крупнейший, но при этом тоже вторичный источник. Существует немало свидетельств, что некая неизвестная пока аномалия расположена где-то в глубинах Чёрного континента. По некоторым выкладкам её радиус вполне может превысить тринадцать километров, а это значит...

Я едва удержался от страдальческого вздоха. Лёва вечно увлекался самыми невероятными теориями о природе сверхэнергии, медитировал и занимался не боксом или даже джиу-джитсу, а куда более экзотическими боевыми, как он называл их, искусствами наших юго-восточных соседей. Вот и сейчас, сев на любимого конька, он собрался выдать на-гора кучу не слишком-то интересной информации, а просто уткнуться в книгу и не обращать внимания на эту болтовню было бы по меньшей мере невежливо.

Спасла ситуацию, пусть и не желая того, Лия.

– Подожди-подожди! – попросила девушка, достала из кармашка зелёного платяца носовой платок, уткнулась в него и в стремительном темпе пулемётной очереди четырежды чихнула. – Простите...

Ну а дальше вернулся от газетного киоска Аркадий.

– Свежая пресса! – объявил он и протянул Инге утренний выпуск «Февральского марша».

Та мельком глянула на заголовок передовицы и зашуршала листами желтоватой бумаги, выискивая статью, посвящённую результатам выборов в парламент.

«Правящая коалиция устояла!» – бросилась в глаза крупная надпись, и неуютно засосало под ложечкой.

– «Социал-демократы выиграли войну, но проиграли генеральное сражение. Увеличив собственное присутствие в нижней палате, они не сумели сформировать социалистическое правительство большинства и будут вынуждены продлить сотрудничество с центристами как минимум до конца следующего года», – начала вслух читать Инга. – «Сокрушительное поражение на выборах потерпел «Рабочий союз», серьёзно потеснённый впервые прошедшим в парламент «Правым легионом». Также не лучшим образом обстоят дела у левоцентристской партии «Земля и Воля», в то время как консервативному «Земскому собору», представляющему интересы помещиков и крупных землевладельцев, удалось некоторым образом усилить свои позиции...»

– Ну ещё бы «Рабочий союз» не пролетел! – раздражённо фыркнул Аркадий. – После того как центристы протасили новый закон о стачках и добились запрета независимых трудовых советов, ничего другого и ждать не стоило! Профсоюзы у капиталистов с рук едят, вот народ и потянулся, кто к «псам», а кто к «легионерам». А наших агитаторов и те и другие гоняли!

Я досадливо поморщился. Никаких приятных воспоминаний агитация в рабочих кварталах лично у меня не оставила. И сторонники радикальных пролетарских советов – «псы», и «легионеры» – их набирающие силу оппоненты из противоположного лагеря полагали, будто лучше других смогут защитить интересы простых рабочих, и потому не только вели настоящие уличные сражения друг с другом, но и не упускали случая надавать тумачков агитаторам республиканской социал-демократической партии, молодёжным крылом которой и выступал февральский союз. С учётом того, что против молодчиков в синих рубашках «Правого легиона» мы с псами действовали сообща, а против самих псов обычно объединялись с центристами-скаутами, оставалось лишь удивляться, как за всю предвыборную кампанию я умудрился обойтись подбитым глазом и расквашенным носом.

– Ничего страшного не произошло! – ободрила нас Инга. – К следующим выборам подготовимся лучше, только и всего. Возможно, и вовсе ни с кем в коалицию вступать не придётся!

Прозвучавшая в этих словах уверенность приятным холодком отозвалась меж лопаток, но долго воодушевление не продлилось. Просто Аркаша вдруг встрепенулся и сделал стойку, будто обнаружившая дичь ищейка.

– Реваншисты! – негромко сказал он. – Взгреем?

Я проследил за его взглядом и обнаружил у фонтанчика с питьевой водой парочку ребят в одинаковых чёрных рубашках с серебряными значками-орлами, но не раскоронованными – республиканскими, а старорежимными, при скипетре и державе.

Отговаривать товарища от драки я и не подумал, отложил книгу, накрыл её фуражкой. Никогда не любил махать кулаками и с превеликим удовольствием вернулся бы к чтению, но со сторонниками реставрации монархии у меня были личные счёты, выходявшие далеко за рамки политических разногласий. Семейные, можно даже сказать, – при подавлении контрреволюционных выступлений погиб дед со стороны мамы, а несколькими годами позже саботаж на железной дороге привёл к крушению поезда, в котором ехал старший брат отца. И пусть эти молодчики не имели к тем делам никакого касательства, но кровь – не вода.

Я поднялся с лавочки, но ещё прежде чем успели всполошиться девчонки, нас остановил Лев.

– Не дурите! Заберут в участок, и тогда точно на инициацию опоздаете.

Аргумент рассудительного товарища заставил опуститься обратно на лавочку, а вот Аркаше он убедительным не показался.

– Инициация? Тоже мне – большое дело! Будущее за техникой, а все эти сверхэнергии – ничто по сравнению с прогрессом!

Лия запрокинула голову и с прищуром посмотрела на него снизу вверх.

– Почему тогда не отказался?

Аркадий лишь повёл мощными плечами и промолчал, а девушка обратила своё внимание на меня.

– А ты, Пётр?

Я снял очки и, выгадывая время на раздумье, принялся протирать стёкла кусочком замши.

– За компанию, – озвучил в итоге лишь третью по значимости причину, поскольку первая была слишком личной, а вторая – насквозь меркантильной, и развёл руками. – А что? Сами же на собрании ячейки твердили, будто мне требуется активней вратать в социум!

– Твердили, – кивнула Инга и откинула упавшую на глаза короткую прядь русых волос. – Но в первую очередь инициация позволит раскрыть внутренние ресурсы организма! Мы – передовой отряд прогрессивного человечества и не можем позволить себе упустить возможность стать сильнее! Только сильные люди способны изменить мир к лучшему! Нам нужны новые знания и та власть, которую даёт Эпицентр!

Произнося эту речь, девушка поднялась с лавочки, и я даже засмотрелся на неё, до того меня проняло. Не слова проняли – всё это прекрасно понимал и сам, – но ощущавшиеся едва ли не физическими толчками эмоции. А уж выглядела сейчас Инга так, что пришлось заложить ногу на ногу.

– Мне другое непонятно, – сказал Лев, нарушив своим возгласом странное наваждение; сердце сразу забилося ровнее. – Посмотрите кругом – тут никто особо друг друга не знает. И в поезде было точно так же. Да что там далеко ходить! Из всего города отобрали двенадцать человек. – Он развёл руками. – Да не смотрите вы на меня так, я специально узнавал! Вот и получается, что почти половина от этого количества – наша ячейка! Однозначное нарушение нормального распределения статистической выборки!

– Да просто мы уже прошли предварительный отбор! В ячейку кого попало не возьмут! – беспечно отмахнулся Аркаша и хитро прищурился. – Меня другая диспропорция беспокоит: девушек в два раза меньше юношей! – Под пристальными взглядами Инги и Лии наш товарищ несколько даже смутился и сдвинул панаму на затылок. – Я это к чему: на собрании перед проверкой способностей говорили, что в половом вопросе у них абсолютное равноправие, а на деле всё не так!

Лев усмехнулся.

– Да отказываются просто, особенно деревенские. У кого в семнадцать уже дети, кого замуж выдавать собираются. Мою сестрёнку точно никуда не отпустят, папенька ей ремня всыплет и обратно за прилавок в лавку отправит!

– А-а-а! – понимающе протянул Аркадий. – Ну да, кому-то же надо семейный уют обеспечивать!

Это он от жары лишнего сболтнул, не иначе.

– Мы обязательно донесём эту точку зрения до твоей невесты! – отчеканила Инга, но, прежде чем успела завести разговор об искоренении буржуазно-мещанских пережитков, захрипела чёрная тарелка репродуктора.

– К первому пути прибывает экспресс на Новинск! Повторяю...

На посадку пригласили пассажиров первого вагона, и все кругом засуетились, начали доставать и проверять literные билеты. К выходу на перрон быстро выстроилась длинная очередь, а вот мы остались сидеть на лавочках.

Наш вагон – четвёртый, просто нет смысла в самую сутолоку лезть. Я только убрал книгу в фанерный чемоданчик средних размеров и устроил его на коленях.

– Пригласят и пойдём! – решил Аркадий, оценил очень уж неторопливое продвижение очереди и хмыкнул: – Медленно они как-то!

– Опять жандармы документы проверяют, – предположил Лев, и точно – когда через полчаса нас пригласили на посадку, так сразу пройти через небольшую площадь к вагонам не получилось: только предъявили билеты жандармскому унтеру, придерживавшему локтем болтавшийся на ремне угловатый пистолет-пулемёт, и тот сразу велел отойти в сторону.

– Ждите! – коротко бросил он, не снизойдя до объяснений, и дал отмашку подчинённому. – Следующих запускай!

Дабы придать движению пассажиров хоть какую-то упорядоченность, проход ограничили гипсовыми клумбами с чахлыми и пожухлыми цветами, нам пришлось сместиться в сторону и расставить чемоданы в тени колонн. Второй жандарм расположился так, чтобы контролировать обстановку, но трёхлинейку с примкнутым штыком оставил висеть на плече.

Судя по всему, причиной столь пристального внимания стали значки февральского союза молодёжи, но мысль о политических антипатиях унтера я всерьёз рассматривать не стал и решил, что подозрительной тому показалась сплочённость нашей компании сама по себе. Как верно подметил Лев, соискатели представляли собой сборище на редкость разнородное, за время пути попутчики успели сбиться разве что в землячества, а никак не в клубы по интересам.

– Четвёртый вагон ещё есть? – спросил жандарм и тут же гаркнул. – Сдай назад! Пятый ещё не вызывали!

– Пусть ждут! – подтвердил унтер и обратил своё внимание на нас. – Документы!

Тут-то всё и случилось. Откуда взялись тащивший сразу два обтянутых кожей чемодана рыжий парень и едва поспевавшая за ним чернявая девица, внешнею чем-то напоминавшая галку, я не заметил, отвлёкся, доставая сопроводительные бумаги.

– Куда прёшь?! – возмутился жандарм, загораживая дорогу растрёпанной парочке.

– Третий! – крикнул запыхавшийся после быстрого бега парень. – Третий вагон! Замешкались!

– Замешкались они! – недовольно проворчал унтер, но билеты у рыжего всё же принял.

И – жакнуло! Окна третьего вагона разом вышибло все до одного, полыхнуло внутри и сразу выплеснулось наружу, принялось лизать борта оранжевое пламя. Следом осыпалось на брусчатку остекление крытого перехода над путями, мелькнуло и заколыхалось на лёгком ветру красно-чёрное полотнище анархистов, захлопали выстрелы.

Первым, как ни странно, среагировал на случившееся рыжий парень – он ухватил подругу за руку и утащил её за ближайшую колонну. Унтер не последовал за ними, вместо этого сорвал с плеча оружие, но открыть стрельбу не успел, сразу дёрнулся и ничком повалился на пыльную мостовую; вокруг его головы начало быстро растекаться кровавое пятно.

Следующая очередь прошла чуть выше, от стены полетели куски выбиваемой пулями штукатурки, и Аркаша ухватил пистолет-пулемёт, метнулся с ним за гипсовую клумбу, Лев тоже не сплеховал и потянул наших спутниц под укрытие колонн, а вот я оказался попросту не в силах принять случившееся.

Взрыв, пожар, стрельба...

Жандармы вскинули винтовки и слаженно пальнули, но если один укрывался за простенком и лишь выглядывал из двери, то второй остался на открытом пространстве и потому сделался первоочередной мишенью анархистов. В грудь бойца железнодорожного корпуса угодило сразу несколько пуль, он всплеснул руками и упал, тогда загрохотал, задёргался пистолет-пулемёт в руках приподнявшегося над клумбой Аркаши.

«Зарница!» В памяти сами собой всплыли знания, полученные на военных играх, я ухватил унтера за кожаный ремень портупеи и в несколько судорожных рывков затащил его за колонну ко Льву и девушкам.

Увы, Лии хватило одного только взгляда на простреленную голову, чтобы вынести вердикт:

– Мёртв!

И я не стал тратить время попусту, вместо этого рванул застёжки кожаного подсумка. Аркаша в несколько длинных очередей сжёг все патроны и теперь с разряженным оружием оказался в самой настоящей западне: анархисты палили по нему безостановочно, от клумбы во все стороны летели куски гипса, воздух заполонила белая взвесь.

Я выудил из подсумка прямой и узкий магазин, снаряжённый пистолетными патронами, и крикнул:

– Аркаша! Держи!

Глазомер не подвёл, магазин ударился о камни и отскочил к Аркадию. Тот ухватил его и принялся перезаряжать пистолет-пулемёт, я же расстегнул кобуру на ремне унтера и вытянул из неё массивный воронёный револьвер.

– Дай! – протянула руку Инга, и даже мысли не возникло отказать.

Стреляла она куда лучше моего; знал это по совместным вылазкам в тир. Впрочем, «лучше моего» стреляли в ячейке решительно все, разве что за исключением Лии, и то не факт.

Инга перехватила револьвер двумя руками, высунулась из-за колонны и выпустила по засевшим на переходе анархистам сразу несколько пуль. Аркаша поддержал её длинной очередью и рванул к нам, продолжая палить и на бегу. Когда он стремительным броском проскочил открытое пространство и укрылся за колонной, на меня накатило облегчение и начал понемногу отпускать шок, сердце застучало бешено-часто, зашумело в голове, сделались ватными ноги.

Вот только ничего ещё не кончилось, кровавое безумие только начинало набирать обороты. Перезарядивший трёхлинейку жандарм не сумел даже толком выглянуть из двери: лишь сунулся наружу и тут же спрятался обратно, когда в лицо полетели щепки измочаленного пулями косяка, а пламя с взорванного вагона уже перекинулось на соседние. Их пассажиры, давя друг друга, выскакивали наружу прямо под выстрелы анархистов. В паникующей толпе появились новые жертвы: кого-то уложили наповал сразу, кого-то попросту затоптали.

Убитых наверняка оказалось бы несравненно больше, но тут послышался рык мощного автомобильного движка, из-за здания вокзала к железнодорожным путям выкатился броневик; его башенка повернулась, длинной дульной вспышкой полыхнул ствол пулемёта.

Крупнокалиберные пули легко прошли галерею, посыпались обломки досок и рам, осколки чудом неповреждённых до того стёкол, но кто-то из анархистов всё же уцелел, вниз полетели гранаты, и, уж не знаю, пробили осколки железные листы бронированного автомобиля или наводчику перекрыли обзор клубы пыли, только грохот коротких очередей мигом смолк, и броневик рывком сдал назад.

Тут-то из дверей вокзала и выскочил растрёпанный молодой человек в светлом парусиновом костюме. Он выбежал на залитый кровью перрон и вскинул левую руку, будто бы пытался отгородиться от обстрела.

Будто бы пытался? Или же – отгородился?!

Витавшая в воздухе пыль пошла волнами, словно её толкнуло невидимым щитом, а в отставленной в сторону правой руке незнакомца как по волшебству сформировался сгусток шаровой молнии. С каждым мгновением он искрился всё ярче, ярче и ярче, и хоть анархисты открыли беспорядочную стрельбу, в цель не угодила ни одна из пуль.

При попадании в мерцающую защиту те не отскакивали, не плющились и не рикошетили, лишь полностью теряли скорость и мёртвыми свинцовыми осами падали на брусчатку, звенели и раскатывались в разные стороны. Всякое столкновение оставляло на энергетическом щите мутное пятно, от них начали расползаться и соединяться в сеть белёсые прожилки, и тогда

молодой человек резким взмахом руки отправил шаровую молнию в переход над железнодорожными путями.

И вновь – грохнуло! Взрыв прозвучал не так басовито, как первый, но галерею попросту разнесло на куски, словно в неё угодила фугасный снаряд!

Вот тогда-то в моих приоритетах и произошли сдвиги воистину тектонических масштабов. Меркантильные интересы и любовные чаянья оказались сметены осознанием того простого факта, что я и сам хочу обладать подобной властью, желаю управлять сверхэнергией, а не просиживать штаны в бухгалтерии какого-нибудь заштатного завода. Более того – это моё новое устремление отнюдь не было пустыми мечтаниями, и я обладал реальной возможностью желаемое обрести.

Дело оставалось за малым – не провалить инициацию и пережить свой первый резонанс.

Глава 2

На инициацию мы опоздали. Не окончательно и бесповоротно и не мы одни, но из-за муторных следственных действий и долгого ожидания нового состава весь заранее утверждённый график отправился прямым комсомолом под хвост.

Вопреки первоначальным планам в Новинске не задержались ни на час, прямо на вокзале оставили в камере хранения багаж и в срочном порядке выдвинулись к Эпицентру. С автобусами тоже не сложилось, нас – усталых и вымотанных долгой дорогой – погрузили в обычные грузовики. Впереди катил кургузый двухосный броневик на высоких колёсах с ребристым протектором, замыкали колонну машина с солдатами и ещё одна полуприцеп с зенитной установкой в кузове.

Столь серьёзные меры безопасности больше не казались чрезмерными, теперь они не удивляли, а лишь заставляли ёжиться в ожидании нового нападения. Помимо всего прочего, на крышах кабин грузовиков были смонтированы вертлюги с ручными пулемётами. Сопровождавший нас боец сразу приладил на своё оружие диск с патронами, но нервозности не выказывал, спокойно сидел на приступке и смолит папиросу.

Как уже успел заметить, весь автотранспорт был отмечен одинаковыми эмблемами в виде стилизованной модели атома, такой же символ с парой узких поперечных нашивок обнаружился на шевроне пулемётчика, а вот погон на зеленовато-песчаного оттенка гимнастёрке не было вовсе, как не имелось и кокарды на панаме.

Солнце висело в зените и не на шутку припекало, поток встречного воздуха был горячим, в лицо летела поднятая колёсами головных машин пыль. Девушки прикрыли лица косынками; я придерживал фуражку, не позволяя ветру сорвать её с головы. После бессонной ночи на тряской дороге начало укачивать: то и дело клевал носом, несколько раз даже едва не падал с протянувшейся вдоль борта лавочки.

– Эх, а на дирижабле или пассажирском аэроплане давно бы на месте были! – мечтательно вздохнул Аркаша. – Не пришлось бы на паровозе через всю страну неделю тащиться. И это нас ещё экспрессом отправили!

– Был бы у тебя папа инженер, летал бы на дирижабле, – рассмеялся Лев, но из-за жары и усталости дружеская перебранка увяла, толком не успев начаться.

Я задремал и какое-то время даже кемарил – востроился, когда над головой низко прошло звено истребителей. Показалось даже, будто сумел разглядеть головы лётчиков.

– «Чайки»! – на глазок определил марку бипланов Аркадий и обратился к пулемётчику: – Беспокойно тут у вас?

Тот последний раз затянулся и выкинул окурок за борт кузова.

– Да не, у нас – тишина и спокойствие! Положено, вот и сопровождаем.

– А как же анархисты?

Боец непонятного подразделения беспечно пожал плечами.

– А что – анархисты? Где мы и где они? Тут особо охраняемая территория, не баран чихнул! Сюда никому постороннему ходу нет!

– Чего они к нам вообще привязались? – спросила Лия.

Пулемётчик даже головой покачал.

– Ну, барышня! Вы же из политически подкованных, неужто с убеждениями этих поганцев незнакомы? Каждый человек свободен ровно настолько, насколько это не ограничивает свободу других, так?

Лев при этих словах аж рот от удивления разинул. Нет, главный постулат анархистов для него откровением вовсе не стал, просто очень уж удивительно оказалось услышать подобную сентенцию из уст неотёсанного солдафона.

И сразу возник резонный вопрос: а так ли тот неотёсан?

Мне даже стало интересно, в каком подразделении он служит, но постеснялся спросить, промолчал.

– А мы тут при чём? – поинтересовалась Инга. – Какое отношение мы имеем к их свободе?

– Конкретно вы, барышня, не имеете, – с улыбкой ответил пулемётчик. – Но это пока. А вот после инициации из людей заурядных вы с товарищами перейдёте в разряд неординарных. Смекаете?

– Нет! – отрезала Инга, которую явственно покорило обращение «барышня».

– Ну о каком равенстве прав и свобод может идти речь после обретения вами сверхспособностей? Просто так, что ли, университетские умники трубят о неминуемом наступлении диктатуры сверхлюдей?

– Чушь какая! – фыркнула Инга и отвернулась.

Дальше какое-то время ехали молча. Сонливость понемногу отступила, и я украдкой поглядывал на девушку, но вскоре утомился протирать стёкла очков от пыли, да и припекало чем дальше, тем сильнее; из-под фуражки потёк пот, гимназистская гимнастёрка на спине и под мышками стала неприятно влажной. Поток встречного воздуха нисколько не помогал, наоборот – на зубах уже так и скрипело от мелких песчинок.

Сначала ехали по степи с выжженными солнцем травами, затем за правой обочиной потянулись перелески, а с левой начали вырастать поросшие кустами холмы. Постепенно заросли становились всё гуще и гуще, а потом чуть ли не разом высокие деревья сгнули и кругом зазеленел густой молодняк.

– Шестидесятый километр, – пояснил пулемётчик. – До этого самого места от Эпицентра выброс дошёл, все деревья повалило. Но это не везде так.

Грузовики на полной скорости проскочили по мосту через узкую речушку, и тогда наш сопровождающий приподнялся с приступки и принялся всматриваться куда-то назад, но почти сразу успокоился и уселся обратно. Как выяснилось некоторое время спустя, внимание его привлёк нагонявший колонну мотоциклист. На неплохой скорости тот обошёл нас по обочине, и в глаза бросилась странная конструкция «железного коня», а именно – непривычная форма бензобака и полное отсутствие трубы глушителя. При этом мотор отнюдь не ревел, и его негромкое стрекотание полностью потерялось на фоне гула автомобильных движков.

– Да как так-то? Что за модель такая?! – не удержался я от удивлённого возгласа.

Пулемётчик самодовольно улыбнулся.

– Экспериментальная, на электрическом ходу! Шесть лошадок, между прочим!

– Да ерунда! – не поверил Лев. – Аккумулятор больше самого мотоцикла должен быть!

– Тю-ю! – протянул боец. – Нет там аккумулятора! Движок мотоциклист напрямую сверхэнергией запитывает. Для операторов шесть лошадиных сил – это плюнуть и растереть, хоть час ехать могут, хоть два! Устанет, конечно, но примерно как на велосипеде.

– Обалдеть! – только и протянул я, донельзя впечатлённый услышанным. – Вот это дело! И на бензин тратиться не надо!

Увлекавшийся мотоспортом Аркадий озадаченно покачал головой.

– А не шутишь? Никогда раньше таких не видел!

– Откуда бы? – усмехнулся пулемётчик. – Большинство операторов сверхэнергии в Новинске живёт. Даже в столице меньше, пусть и не на порядок.

– А сколько их вообще всего? – полюбопытствовал Лев.

Боец озадаченно поправил панаму.

– Вот ты спросил! Насколько знаю, в год что-то около десяти тысяч соискателей со всей страны набирается, когда больше, когда меньше. И ещё тысячу иностранцев по соглашению с Лигой Наций принимают.

Лёва задумался.

– Если нынче у нас тридцатая годовщина...

– Экий ты быстрый! – сходу прервал эти подсчёты пулемётчик, смял зубами бумажный мундштук папиросы, закурил и лишь после этого снизошёл до пояснений: – С резонансом только перед войной разобрались, а спираль и того позже проложили.

– Спираль?

– Сами скоро всё увидите! – отмахнулся боец, сплюнул табачные крошки и задумчиво глянул в небо. – Тысяч сто пятьдесят – двести, наверное, наберётся тех, кто в резонанс сумел и обучение до конца довёл. Но это не точно.

– А за границей как? – поинтересовалась Лия.

– Да кто ж этих басурман знает? – развёл руками пулемётчик. – Говорят, они там друг другу глотку готовы перегрызть, лишь бы инициацию пройти.

– Нихонские милитаристы именно поэтому и вторглись в Джунго! – блеснул эрудицией Лев. – На оккупированных территориях расположен четвёртый по мощности и третий из доступных источник сверхэнергии! В журнале «Вокруг света» об этом была статья!

Тут дорога пошла в обход высокого холма, а когда тот остался позади, автоколонна вновь выкатилась на равнину. Там, сколько хватало взгляда, зеленели небольшие рощицы, а в небе неспешно дрейфовали сразу два дирижабля. И точно не пассажирских – на обшивке ближнего отчётливо виднелась точно такая же эмблема, что и на борту броневика, а надпись гласила «ОНКОР-11».

– Почти приехали, – уверил нас боец и не обманул: уже минут через пять колонна добралась до небольшого населённого пункта с лаконичным названием «Сорок шестой километр».

– А где Эпицентр? – спросил Аркадий, с интересом оглядываясь.

– Там! – махнул пулемётчик на восток.

Я присмотрелся, но ничего необычного в указанном направлении не заметил. Если только небо чуть светлее показалось, да слегка за глазами заломило, но и только.

– Да не пяльте zenки! – одёрнул нас боец. – Ничего отсюда не увидите и не почувствуете. Кордон неспроста именно здесь поставили. На заставах у Эпицентра сутки через трое люди дежурят, иначе проблемы начинаются – у кого со здоровьем, у кого с головой. А тут нормально – жить можно.

Мы откинули задний борт и помогли спуститься девушкам, затем построились в тени ближайшего здания. Немного дальше в степи виднелись бетонные купола долговременных огневых позиций, а на некоторых крышах уставились в небо спаренные стволы зенитных установок, и я усомнился в словах сопровождающего, будто вооружённую охрану нам придали исключительно по причине заведённых руководством порядков.

Впрочем, эти мысли недолго занимали меня, очень уж сильно навалилась жара, стоило только пропасть потоку встречного воздуха, даже голова кружиться начала. Ладно хоть ещё обошлось без провололок, и почти сразу соискателей стали вызывать из строя одного за другим.

Во всех машинах набралось человек сто, поэтому перекличка долго не продлилась, уже минут через пять я влил в себя кружку тёплой воды и оказался наделён чистой книжкой личного учёта, комплектом одежды и мешком для старых вещей.

– Инга, тут душ! – донёсся от женской раздевалки крик Лии, и я поспешил в раздевалку мужскую, да только там царило сущее столпотворение, и соискателей запускали споласкиваться чуть ли не по секундомеру. Расслабиться не получилось, но хоть освежился.

Выданные хлопчатобумажные штаны и рубаша с длинным рукавом подошли по росту, при этом оказались слишком широкими и напоминали то ли больничную пижаму, то ли тюремную робу, как её принято изображать в газетных карикатурах. Не хватало разве что вертикальных полос, да к шапочке с плоским верхом непонятно для чего пришили завязки. Надевать её не стал; как и все вышел в коридор с непокрытой головой.

В вестибюле пришлось выстоять ещё одну очередь, на этот раз – к секретарю. Тот выискивал соискателя в списке и вписывал необходимые данные в книжку личного учёта, а заодно присваивал номер, который его помощник тут же наносил на рубахи и мешки с личными вещами.

Меня обозначили как «38/4573».

Дальше все шли в фотостудию, где делали снимки анфас и профиль, а заодно снимали отпечатки. Я не на шутку встревожился, когда мне вымазали подушечки пальцев тушью и велели приложить их к соответствующим листкам учётной книжки. Вкупе со странной одеждой предчувствия возникли самые нехорошие.

– Зачем это ещё?! – возмутился рыжий парень – тот самый, который так удачно опоздал в злосчастный третий вагон. Звали его, как успел узнать, Антоном.

Седовласый старичок поднял равнодушный взгляд и вздохнул.

– Ну а как иначе, молодой человек? Вот напутаете вы с этими своими энергиями, и как потом ключья мяса опознавать без отпечатков пальцев?

Сказано это было столь равнодушным тоном, что я поверил в объяснение сразу и безоговорочно.

Как-то резко расхотелось управлять «этими своими энергиями», но удержался, не поддавшись панике. Оттёр пальцы от туши, перешёл в следующий кабинет и оказался на приёме у стоматолога. Тётка средних лет с удивительно мощными руками велела сесть в кресло, откинуть голову и открыть рот. Я напрягся, но приём ограничился осмотром зубов с помощью зеркала да диктовкой какой-то абракадабры медсестре.

– Свободен!

Второй раз просить не пришлось, и я спешно покинул кабинет, а в коридоре столкнулся с Ингой и Лией. Девушкам выдали столь же бесформенные штаны и рубахи, только им ещё пришлось подворачивать рукава и штаны. Улыбнулся бы, да было не до того.

Медкомиссия! Я вдруг сообразил, что мы проходим медицинское обследование, и снял очки, растерянно протёр стёкла полой рубахи.

Могут ли отсеять соискателя уже на этом этапе – вот в чём вопрос.

Могут или нет?

Подавив невольную дрожь, я прошёл ещё пару специалистов и пристроился в конец небольшой очереди в последний кабинет с терапевтом. Следом подошли Лев и Аркадий, а вот девушки скучковались в другом конце коридора – их принимал свой специалист.

– Жарко! – сказал Аркаша и принялся обмахиваться учётной книжкой.

Лев потел ничуть не меньше товарища, но беспокоился совсем по другому поводу.

– Интересно, инициация сегодня будет? – спросил он, ни к кому конкретно не обращаясь. – Тридцатое июня – последний оптимальный день...

Поинтересоваться, с чего это он взял, я не успел, поскольку подошёл мой черёд идти на приём. В просторном светлом кабинете за столом сидел профессорской внешности дядечка-врач, ассистировала ему симпатичная медсестра лет двадцати на вид со светлыми волосами, подстриженными коротко, точь-в-точь как у Инги.

Обратил на это внимание, когда передавал учётную книжку врачу, а ещё подметил, что в кабинете отсутствует таблица для проверки зрения. Это как-то немного успокоило.

– Разувайтесь, – попросила медсестра, а стоило мне выполнить распоряжение и прижаться спиной к стене рядом с планкой для измерения роста, объявила: – Сто восемьдесят пять сантиметров.

После пришла очередь измерения веса. Медсестра уравнивала устройство, сдвинув гирьку по рейке с делениями, и поджала губы.

– Пятьдесят семь восемьсот, – оповестила она врача и сочла нужным добавить: – Недобор массы тела.

– Нестрашно! – благодушно улыбнулся дядечка, делая в моей учётной книжке новую запись. – Были бы кости, мясо нарастёт!

Спорить с врачом медсестра не стала и попросила:

– Раздевайтесь.

Я стянул через голову рубаху, положил её на свободный стул, затем избавился от штанов, и тогда последовало уточнение:

– Полностью, пожалуйста.

Справиться с замешательством и завязками удалось далеко не сразу, но всё же стянул чёрные ситцевые трусы и кинул их на стул к остальной одежде, оставшись в чём мать родила.

Девушка с абсолютно невозмутимым видом опустила передо мной на колени и принялась нажимать пальцами на пах, затем отработанным движением оттянула с головки крайнюю плоть, сразу вернула ту на место и выпрямилась.

– Без особенностей, – оповестила она доктора, и тот шлёпнул в мою учётную книжку соответствующий штамп.

– Внутренние патологии?

Затейливый жест медсестры обернулся лёгким жжением в области темени, и лишь крайнее удивление позволило сохранить невозмутимость, когда начавшая опускаться волна тепла миновала пупок и ушла ниже.

– Без патологий!

И вновь к желтоватой бумаге приложился очередной штамп.

– Замечательно! А что у нас, Валечка, с особыми приметами?

Медсестра смерила меня оценивающим взглядом и начала перечислять:

– Нависающие надбровные дуги, глаза серые с оттенком зелёного, короткие мочки ушей, над левым соском – чёрное родимое пятно диаметром пять миллиметров.

Девушка опустила глаза, и я ощутил, как к щекам приливает кровь, но ничего вроде давешнего «без особенностей» не прозвучало, был отмечен вертикальный шрам над правым коленом в три сантиметра длиной, а затем меня попросили повернуться спиной. Там отметили ещё пару родимых пятен, и лишь после этого прозвучало долгожданное:

– Надевайте трусы, проходите к столу.

А стоило только выполнить распоряжение, как медсестра что-то негромко прошептала. Я вздрогнул и развернулся к ней.

– Что, простите?

– Число расслышал? – уточнил доктор.

Я собрался с мыслями и сказал:

– Шестнадцать.

Тут же девушка сказала ещё даже тише прежнего:

– Сорок восемь.

Но на этот раз я был к чему-то подобному готов и повторил число без всякого труда. Доктор шлёпнул в учётную книжку новый штампик, велел закрыть глаза и коснуться указательными пальцами кончика носа. Затем пришлось проследить за движением молоточка, после этим же молоточком меня постучали по коленям и разрешили встать и одеваться.

– А книжка? – спросил я, прежде чем покинуть кабинет.

– Останется у нас, – объявил дядечка. – Свободен!

Я вышел в коридор, меня сменил Аркаша, а Лев удивлённо спросил:

– Ты чего такой красный?

– Сам увидишь, – сдавленно выдал я и поспешил на выход.

К Эпицентру выдвинулись уже во второй половине дня после не слишком плотного, но достаточно сытного обеда. Солнце припекало, и пришлось надеть шапочку, да ещё и затянуть на бантик завязки, чтобы ту не сорвало с головы потоком встречного воздуха.

Четверть часа спустя попался пропускной пункт с отметкой «двадцать пятый километр», сразу после него потянулись полосы распаханной земли, будто государственную границу обустроили. Приложив ладонь ко лбу козырьком, я присмотрелся, но конца контрольно-следовой полосы не разглядел. Да и кончалась ли она вовсе или замыкалась вокруг Эпицентра кольцом? Это было бы логично.

Дрейфовавшие в небесной выси дирижабли остались позади, а потом я ощутил, как понемногу начинает прогревать изнутри непонятной природы тепло. Странное воздействие ощутили и остальные; то на одной машине, то на другой кто-нибудь перегибался через борт и принимался исторгать из себя полупереваренный обед. Мне – нормально.

Мало-помалу сделалось заметно витавшее впереди марево, воздух там словно светился, и смотреть на него стало неприятно, сразу начинало печь глаза. А в остальном – степь как степь: слева ровная как стол, справа холмистая, но и там, и там с пожелтевшей словно после долгой засухи травой.

Понемногу заломило кости и закрутило суставы, пересохла глотка, словно и не пил всего четверть часа назад. Ветер сделался сухим, он будто наждаком царапал кожу и заставлял прятать в ладонях лицо. Один из наших спутников грохнулся в обморок, и Лия принялась обмахивать его, но без толку. А столбы на обочинах всё мелькали и мелькали.

Двадцать... Семнадцать... Четырнадцать...

Когда впереди замаячило несколько приземистых строений, автоколонна съехала с дороги на укатанное колёсами поле к уже стоявшим там трёхосным машинам с вытянутыми кузовами, высокими сетчатыми вставками над бортами, открытыми кабинами и непривычно объёмными бензобаками, коих у каждого автомобиля оказалось по два.

Всех, кому стало плохо в дороге, а набралось таких человек десять, и ещё двое попросились с ними, сразу по прибытии на место погрузили в один из грузовиков и отправили обратно, даже не став пытаться привести в чувство и оказать первую помощь на месте.

– Отсеялись, – сказал Лев, бледный, потный и весь какой-то несчастный.

У меня и самого состояние напоминало ломку при сильнейшем гриппе, но сдаваться я не собирался. Возможно, очень скоро придёт сожаление о своей упёртости, такое случалось со мной не раз и не два, но сейчас даже мысли не возникло отказаться от инициации. Три изначальных причины – это и без того немало, а я помимо всего прочего до сих пор находился под сильнейшим впечатлением от действий оператора сверхэнергии на вокзале Зимска и во что бы то ни стало намеревался сравняться с ним, а то и превзойти.

И плевать на головную боль. Сейчас всё решится. Прямо сейчас!

Увы, это самое «прямо сейчас» никак не наступало и не наступало. Мужчина средних лет с двумя угольниками на шевроне хоть и распределил нас по машинам, но отдать команду на отправление ему не позволил караульный у шлагбаума.

– Сейчас не их время, господин старший лейтенант! – объявил он.

– Да ещё немного и они спекутся!

– У меня приказ!

Старший лейтенант на своём настаивать не стал и пожал плечами.

– Может, оно и к лучшему, – едва слышно проворчал он и отошёл.

Пришлось ждать. От нечего делать я повертел головой по сторонам, разглядел сразу несколько затянутых маскировочной сеткой зенитных точек, топливозаправщик и броневи́к рядом с ним, а немного дальше – причальную мачту дирижаблей. За шлагбаумом, точнее – сразу после столба с цифрой один, дорога раздваивалась: одно ответвление шло напрямиком к

Эпицентру, другое резко забирало вправо и начинало огибать источник сверхэнергии по широкой дуге.

А кругом – жёлтая степь и марево раскалённого воздуха над ней. И ещё – ярко-голубое небо. Чистое-чистое, глубокое-глубокое, без единого облачка. Неожиданно понял, что подобного оттенка не видел ни разу в жизни. Даже закружилась голова...

Лёва отбежал в сторону и согнулся в приступе рвоты, мы с Аркашей подхватили его под руки и помогли выпрямиться. Мне и самому стало как-то очень нехорошо, знобило и пересохла глотка, но накатившая после взгляда в небо слабость понемногу отступала, на ногах я стоял уверенно и твёрдо.

Бросил взгляд на девушек – те укрылись от палящих лучей в тени борта и, судя по всему, чувствовали себя неплохо.

– Внимание! – повысил голос старший лейтенант. – Стройся!

Пришлось изображать подобие неровной шеренги; на занятиях по военной подготовке нам влили бы большой и жирный кол, но сейчас никто делать замечаний не стал. Стоим – уже хорошо.

– Отказ от претензий в случае гибели у всех родные подписали? Риск не слишком высок, но смотрите – ещё есть время передумать! – заявил вдруг старший лейтенант, выждал немного и махнул рукой на восток. – Это Западный луч, прямая дорога на Эпицентр! После прохождения инициации сможете продвигаться по нему непосредственно до своего витка. А сейчас вас повезут по спирали, это займёт куда больше времени, зато интенсивность излучения станет нарастать постепенно. По прямой от стартовой позиции до центра спирали тринадцать километров, а каждый из двенадцати витков приблизит к Эпицентру лишь на километр.

– А что придётся делать? – послышался девичий голос. – Нам ничего не объяснили!

– Ничего делать не придётся! Просто постарайтесь расслабиться! – ответил старший лейтенант, бросил взгляд на наручные часы и продолжил: – На западном направлении излучение самое слабое, на восточном – наоборот. Дорога проложена таким образом, что за южную дугу достигается пик интенсивности витка, а на северной оно остаётся неизменным. Традиционно окружность разделена на квадранты и румбы, последних – тридцать два.

– Румб – это направление на морском компасе! – выкрикнул кто-то из строя.

– У моряков – направление. У нас – сектор в одиннадцать с четвертью градусов от этого румба и до следующего. Отсчёт начинается с запада и идёт против часовой стрелки. В первом румбе каждого витка интенсивность излучения наименьшая, к концу шестнадцатого она достигает своего предела.

У меня от столь сумбурных объяснений голова кругом пошла. А вот чуток оклемавшийся Лёва лишь покивал, словно эта лекция подтвердила какие-то его догадки.

– Наши способности будут как-то зависеть от того, в какой именно момент мы войдём в резонанс? – спросил вдруг Антон – тот самый рыжий счастливчик.

Старший лейтенант поколебался немного, но на показавшийся ему неудобным вопрос всё же ответил.

– Будут! И от витка, и от румба. В первую очередь – от витка.

– А какой виток самый перспективный? – подключилась к расспросам чернявая девица.

– Неважно! – отмахнулся лейтенант. – Вы в любом случае не сможете контролировать процесс инициации. Мой вам совет – просто расслабьтесь!

Совет был неплох, и я бы с превеликим удовольствием ему последовал, да только нервы едва ли не звенели от напряжения. Ещё и это тягостное ожидание непонятно чего...

– Дирижабль! – встрепенулся вдруг Аркадий.

Я обернулся и обнаружил, что к причальной мачте и в самом деле приближается небольшой аэростат, а его то ли сопровождают, то ли конвоируют два истребителя. Надпись на борту

гласила: «Общество изучения сверхэнергии». Ниже было написано что-то куда мельче, разобрать слова не удалось. А вот Аркаша хоть и сощурился, но всё же прочитал:

– «Под патронажем великого князя Михаила»... – Он скривился и сплюнул под ноги. – Контра!

Я бы тоже сплюнул, да пересохло в глотке. Контра и есть.

Великий князь Михаил на протяжении двух последних десятилетий возглавлял заседавших в сенате монархистов. И пусть мой папа всерьёз полагал, будто лишь нежелание этого старорежимного реликта содействовать возвращению из зарубежного изгнания своего венценосного кузена уберегло и уберегает республику от попыток реставрации монархии путём вооружённого мятежа, мне казалось правильным поставить к стенке всех реваншистов разом.

Один из транспортников укатил на взлётное поле, принял там полдюжины человек и вернулся к пропускному пункту. Проверка документов много времени не заняла, почти сразу шлагбаум дрогнул и ушёл вверх, автомобиль резко тронулся с места, быстро набрал скорость и, заложив крутой вираж, вывернул на окружную дорогу.

– По машинам! – скомандовал старший лейтенант. – Пошли! Пошли! Быстрее! Занимайте места по правому борту!

Мы посадили Ингу и Лию, забрались следом сами и потеснились на лавке, давая возможность усестись рядом уже знакомому рыжему парню и его чернявой спутнице. Противоположную лавку заняли мужчины и женщины в возрасте от двадцати до тридцати лет в столь же невыразительно больничных одеяниях.

Нас семеро, их семеро. Очень интересно.

Я огляделся и обнаружил, что в других машинах соотношение выдерживается столь же строго. Один соискатель, один... А кто?

Инструктор? Санитар? Реаниматор? Непонятно.

Но зато стало ясно, почему инициацию проводят столь ограниченными партиями, – иначе и машин не напасёшься, и персонала никакого не хватит.

– Ну, чтоб не пятьсот вёрст! – произнёс старший в медицинской бригаде и спросил: – Все облегчились? Я серьёзно – остановок не будет, придётся по-морскому, с борта!

– А долго ехать?

– Кому как. Самое большее – двенадцать часов. Вода и сухой паёк у нас припасены, а вот удобствами машина не оборудована, примите к сведению. И никаких шуток – остановки в пути не предусмотрены.

Инга с Лией переглянулись, спустились по лесенке у заднего борта и поспешили к выстроенному немного на отшибе сараю с отхожими местами. Я бы, наверное, тоже последовал их примеру, только понял вдруг, что ноги сделались ватными и едва ли получится проделать весь этот путь и забраться обратно в кузов.

Ничего, потерплю...

Караульный, выждав какое-то определённое время, дал отмашку, и с места тронулась первая машина, а ещё минут через пять за ней покатилась следующая. Забеспокоился даже, успеют ли вернуться девчонки, но обошлось. Стояли ещё никак не меньше четверти часа, прежде чем рыкнул мощный движок и наш трёхосный автомобиль выкатил на дорогу, занимая стартовую позицию.

Боец у поднятого шлагбаума вновь махнул клетчатым чёрно-белым флагом, и грузовик неожиданно шустро для своих немалых габаритов сорвался с места и всё быстрее, быстрее и быстрее покатил к столбу, отмеченному единицей. А потом шофёр принялся крутить руль, автомобиль вошёл в поворот и помчался по укатанной грунтовке – той самой спирали, о которой нам и толковал пулемётчик.

Немедленно повеяло противоестественным жаром, будто к печи в литейном цехе подступил, но зной тут же отступил, сменился неприятной тяжестью. Меня словно продавливали

через сгустившееся пространство – и не забивали гвоздём в доску, а процеживали через марлю рыхлым творогом.

Никак не удавалось наполнить воздухом лёгкие, а тело словно задеревенело, и лишь поэтому я не заорал в голос. Всё, что сейчас мог, – это скрипеть зубами да стискивать пальцами край лавки. Остальным приходилось ничуть не лучше. Остальным – это претендентам, наши сопровождающие никаких неприятных ощущений, такое впечатление, не испытывали.

– Скорость? – спросил старший смены.

– Пятьдесят! – отозвался водитель и скрежетнул каким-то рычагом. – Зафиксировал!

Автомобиль мчался по грунтовой дороге необычайно ровно, словно гоночный болид на треке, но из-за этого становилось только хуже. Сбросить оцепенение никак не получалось, а изматывающее давление несильно, но всё же неуклонно росло. Я словно очутился на раскрученной до предела карусели, только тут вместо центробежной силы...

Додумать спутанную мысль не успел: Лев вдруг встрепенулся и стиснул тонкими пальцами моё запястье.

– Там! – ткнул он перед собой свободной рукой. – Эпицентр там! Разве вы не чувствуете?! Да посмотрите же! Вон он!

Кто-то из медбратьев даже присвистнул от удивления.

– Поверить не могу! На первом румбе резонанс схватил! Ну и какой счастливчик его жребий вытянул?

А вот кто не напоминал счастливчика, так это сам Лёва. Речь его сделалась бессвязной, он начал выкрикивать слова в темпе пулемётной очереди, беспрестанно перескакивая с темы на тему.

– Сверхэнергия пронизывает весь мир! Ноосфера! Мы все – источники информации! Вы слишком громко думаете! Перестаньте! Прекратите немедленно!

Пальцы товарища стиснули запястье с такой силой, что показалось: ещё немного – и сломаются кости, а дальше я вдруг неким иррациональным чутьём уловил непонятное мельтешение на самой границе зрения, будто бы размеренное движение автомобиля через переполненное сверхэнергией пространство вызвало к жизни странный стробоскопический эффект.

Интенсивность всполохов стала нарастать и перерождаться в колющую пульсацию, но тут старший санитар резко бросил:

– Чей он? Не спим!

Крепкий парень лет двадцати сорвался с места, приложил к лицу Льва марлю, смоченную хлороформом, тогда только стиснувшие моё запястье пальцы утратили свою стальную хватку, а секунд через десять наш товарищ и вовсе обмяк, качнулся вперёд.

Санитар подхватил его, не дав упасть со скамьи, перекинул через плечо и легко выпрямился, ничуть не смущённый немалым грузом.

– Всё! Пошёл!

Медбрат оттолкнулся ногой от заднего борта и сиганул из кузова. Сердце сжалось в ожидании неминуемой катастрофы, но прыгнувший на дорогу санитар даже не покачнулся, словно грузовик и не мчался со скоростью пятьдесят километров в час. Слегка присев, парень тут же выпрямился и зашагал обратно к пропускному пункту.

– Тоже так сможете, – с усмешкой бросил начальник смены, заряжая ракетницу.

– А стоит ли? – спросил кто-то из его подчинённых. – Тут идти-то!

– Правила умными людьми писаны! – возразил старший санитар, поднял руку, и с громким хлопком к небу взмыла зелёная ракета.

Меня переполняли вопросы, но стробоскоп уже погас, и вернулось изматывающее давление сверхэнергии, вновь стало трудно соображать. Каждый оборот автомобильных колёс словно проворачивал винт незримого пресса, и тот с бездушной неумолимостью сминал меня всё сильнее и сильнее; казалось даже – дышу через раз. Тут не до разговоров...

Дальше всё запомнилось урывками. В какой-то момент степь перестала быть ровной словно стол, начали попадаться холмы, зазеленели кустарник и невысокие деревца, а потом солнце вдруг как-то разом очутилось за правым плечом. Дальше небольшие рощицы превратились в лес, и вот уже короткая тень побежала впереди автомобиля. А на обочинах мелькали, мелькали и мелькали верстовые столбы.

Но не верстовые, конечно же нет. Столбы отмечали румбы.

Отпускать начало на семнадцатом. Противоестественное давление никуда не делось, просто его интенсивность перестала нарастать. Понемногу я даже свыкся с ним – словно человек на страшной глубине, едва не раздавленный толщей вод, дальнейшее погружение которого приостановилось, и гибель перестала казаться неминуемой.

– О! – обрадовался старший санитар. – Выплыли? Чай, вода, сэндвичи?

При этих словах сидевший на краю скамьи рыжий Антон перегнулся через задний борт и ясно дал понять, что сейчас ему не до еды. Впрочем, у меня никакого аппетита не было тоже.

– Пить... – прошептал я пересохшими губами, и один из санитаров сунул в руку железную кружку.

Вода оказалась невкусной и слишком тёплой, немного даже замутило. Решил в следующий раз просить чая. Если, конечно, успею снова захотеть пить. Если раньше не накроет резонанс...

Аркаша тоже напился, повернулся к Инге спросил:

– Ты как?

Девушка слабо улыбнулась в ответ.

– Всё хорошо.

Лия держала кружку двумя руками, и те ходили ходуном, хоть машину почти не трясло.

– Вы тоже слышите их? – спросила она вдруг. – Голоса! Никак не могу разобрать, что они говорят!

Я ничего подобного не слышал, наоборот – уши словно заложило, и Аркадий тоже покачал головой, а вот Инга задумалась и сказала:

– Не голоса. Это как метроном...

– Ну-ка, цыц! – разозлился вдруг старший санитар. – Первый резонанс у всех разный, не сбивайте друг другу настрой!

Разговор сразу сошёл на нет. Холмы остались позади, дорога нырнула в низину, и с обеих сторон к обочинам подступила тайга. Сознание оставалось ясным, только навалилась непонятная апатия. Жарило просто немилосердно, но пить не хотелось, и как-то незаметно я задремал.

Очнулся, когда солнце принялось светить в лицо. Теперь грузовик вновь мчал по степи с редкими пятнами зелени, и уже ничего не напоминало о непролазной тайге. Ландшафт менялся как-то слишком стремительно – едва ли пребывал в забвении дольше пятнадцати минут.

Я попытался припомнить курс геометрии и высчитать протяжённость первого, самого длинного витка, но в итоге сбился и точного результата не получил, понял только, что речь идёт примерно о восьмидесяти километрах.

О-хо-хо... Полтора часа на жёсткой лавке под палящим солнцем – это и без всякого резонанса сушая пытка!

Впереди замаячила пыльная полоса Западного луча, и старший санитар взглянул на часы.

– Ну что, детишки, готовы ко второй завесе?

Мелькнул столб с цифрой два, автомобиль пересёк радиальную дорогу, и я словно рухнул в озеро после прыжка из гондолы зависшего в неведомой выси дирижабля. Плашмя. Но просто уйти на дно не позволили, взяли на буксир и потянули, да так, что трением сдирало плоть с костей.

Привыкнуть к такому было попросту невозможно, не привык к этому и я, просто впал в какое-то странное оцепенение. И вынырнул из него лишь к концу семнадцатого румба.

На этот раз попросил чая.

– С сахаром? Или рафинад вприкуску?

От одной только мысли о сладком замутило, и я замотал головой.

– Чай! Просто чай!

Остальные тоже очухались, только на этот раз никто не стал распространяться о своих впечатлениях, ехали молча. Как ни странно, чувствовал я себя примерно так же, как и на северной дуге первого витка. Пусть мы и стали ближе к Эпицентру на целый километр, никаких новых неприятных ощущений это обстоятельство не принесло.

Но всё ещё изменится. Впереди нас ждала третья завеса.

И я понял – не хочу. Не желаю терпеть эту пытку и дальше, изнывая от жары и тряски на жёсткой лавке. Только не в ситуации, когда достаточно лишь попросить, и один из санитаров сиганёт со мной из кузова, а там уже ничто и никто не помешает улечься на траву и наконец-то расслабиться.

Что удержало? Да уж точно не полтора витка, оставшиеся позади, и даже не восьмидневная поездка в плацкартном вагоне!

Что тогда? Боязнь разочаровать товарищей и уронить себя в глазах Инги? Мои три заветных мотива? Лишь недавно осознанное желание обрести истинную силу?

Нет, нет и нет! Ничего из этого не смогло бы заставить набраться терпения, спасла положение банальная логика.

Ну а как иначе? Сейчас я на всех парах несусь к Западному лучу, откуда до пропускного пункта останется пройти два километра по прямой. И какой тогда смысл суетиться раньше времени, если и без того двигаюсь в нужном направлении? Опять же, резонанс может случиться буквально в любой момент, Лёва тому примером.

А ну как получится пройти инициацию ещё до конца этого витка? Нет, ну а вдруг?

Где-то впереди в воздух взлетела зелёная сигнальная ракета, а минут через пять мы проскочили мимо стоявшей на обочине парочки: санитар и его подопечного. Последний проводил нас каким-то совсем уж тоскливым взглядом, и стало ясно: этот не вошёл в резонанс, соскочил, не дотерпев до Западного луча.

И я скривился в горькой ухмылке, радуясь собственной предусмотрительности. Всё же хорошо обладать рациональным складом ума и не позволять эмоциям брать верх над разумом.

Пересохшие губы лопнули, выступила кровь, но это настроения мне испортить уже не смогло. Я умный и предусмотрительный – чего не отнять, того не отнять.

Лучше немного потерпеть, но зато не придётся ждать попутный транспорт и получится дойти до пропускного пункта своим ходом. Хватит с меня этих машин. На всю жизнь за сегодня наездился!

Глава 3

Когда впереди замаячил столб с цифрой три, я испытал... разочарование.

Всерьёз ведь рассчитывал войти в резонанс до конца витка, но никакого отклика не уловил. А между тем тридцать второй румб на исходе, вот-вот на новый заход пойдём.

Я медлил и выжидал, кусал губы, прислушивался к собственным ощущениям.

Три часа пытки. Сто восемьдесят минут тряски на жёсткой лавке. Десять тысяч восемьсот секунд изматывающего зноя. И что – всё впустую, всё напрасно?

Инга, государственные льготы, компания единомышленников. Власть.

А ещё полный тоски взгляд сдавшегося соискателя.

Вспомнил его – и передёрнуло. Ерунда, конечно. Не мог ничего такого разглядеть и сам всё придумал, но будто наждаком меж лопаток продрало.

В резонанс проще всего войти на завесе, так неужели не потерплю один румб? Сколько это на третьем витке – километра два? Не так уж и долго возвращаться придётся, если выйду из игры чуть позже!

И я упрямо стиснул зубы. Миг спустя передумал и о своей упёртости пожалел, но Западный луч уже остался позади, мы пошли на третий виток, и на сей раз меня не проламывало через незримую завесу – сверхэнергия беспрепятственно проникла в организм, потекла по венам и артериям вместе с кровью, изменяла и жгла.

Но и прежнее давление никуда не делось, просто теперь начало распираť изнутри. Пропорции тела нарушились, руки и ноги стали слишком длинными, а голова с каждым мигом всё сильнее разбухала и грозила взорваться. Из носа потекла кровь, глаза едва не вываливались из орбит, язык во рту разбух так, что я оказался не в состоянии вымолвить ни слова. И вместе с тем прекрасно отдавал себе отчёт, что эти невероятные метаморфозы иллюзорны и в действительности с моим физическим телом не происходит ровным счётом ничего необычного. Вот только это не отменяло того простого факта, что ещё немного и взорвётся голова...

Сдался я на втором румбе третьего витка. Просто не смог больше терпеть. Да и не видел смысла. Это – не моё. Это – не для меня. Никакое могущество не стоит того, чтобы подвергать себя подобным мучениям.

Наверное, я бы даже сумел в итоге выдавить просьбу ссадить, но тут где-то впереди свечой в небо ушли сначала оранжевая, а за ней и красная ракеты. Потом и вовсе донеслась частая-частая стрельба.

– Если что – объезжай по целине! – приказал старший санитар водителю, и тот опустил на лицо мотоциклетные очки. Его напарник без промедления откинул лобовое стекло на капот и разложил сошки ручного пулемёта, после деловито изготовил оружие к стрельбе.

Лезть со своей просьбой я просто-напросто побоялся. И постеснялся, конечно, тоже, но в первую очередь промолчать заставил именно страх.

В кого стреляли и собираются стрелять?

Что тут вообще происходит?!

Минут через пять мы промчались мимо распростёртого на обочине тела. Одет человек был не в одну из стандартных белых «пижам», а в нечто, напоминавшее смесь комбинезона и ливреи, тогда кто-то из санитаров уверенно произнёс:

– Благородные начудили.

Вновь послышалась стрельба, но уже откуда-то со стороны второго витка, и вновь я промолчал, решив ещё немного потерпеть. Хотя бы пару румбов...

Ближе к концу первого квадранта наш автомобиль промчался мимо санитаря, стоявшего рядом со своим присевшим на обочину подопечным. Он помахал рукой, и стало ясно, что тут с

инициацией проблем не возникло. А дальше почти сразу попался ещё один успешно вошедший в резонанс соискатель.

От беспрестанного давления сверхэнергии меня мутило и тошнило; я судорожно стиснул занемевшими пальцами край лавочки, наверное, даже раскачивался и что-то неразборчиво мычал. Или нет. Не помню.

Главное – внутри крепла уверенность. Раз не размазывает о незримую преграду, раз наполняет энергия – значит, вот-вот и войду в резонанс. Надо лишь самую малость подождать. Совсем немного, ещё чуть-чуть. К тому же рациональная часть моего сознания упрямо талдычила, что мы отмахали от Западного луча никак не меньше двадцати пяти километров, и уже рукой подать до северной дуги с её вполне приемлемой стабильностью.

Так почему бы и не потерпеть?

Смогу ведь? Смогу, да? Справлюсь?

На семнадцатом румбе я выдул кружку чая и две – воды. Всё выпитое моментально ушло с потом, да ещё продолжала понемногу сочиться из носа кровь. По рубaxe на груди расплзлось бурое пятно, оно уже подсохло по краям, ткань там встала колом.

Аркаше тоже пришлось несладко, остальные переносили этот виток несравненно лучше, и я задумался, не станет ли проще на следующем мне самому, но сразу выкинул эти мысли из головы.

Никакого «следующего витка» не будет. Мне – до Западного луча!

Точка!

На подъезде к радиальной дороге грузовик заметно дёрнулся, и мотор его зазвучал чуть иначе. Забрехала надежда, что дело в технической неисправности и перегревшийся движок вот-вот выйдет из строя, тогда всё решится без всякого моего участия, и впоследствии не придётся краснеть, вспоминая постыдную слабость. И домой мы отправимся все вместе. Не я один, а сразу все!

Вот и уговорил себя ещё немного потерпеть и даже гордился силой воли секунду или две. Четвёртая завеса обернулась разлитым в пространстве статическим напряжением – мигом встали дыбом волосы, забегали по коже разряды, задёргали судороги. И всякий последующий укол оказывался сильнее предыдущего!

Взвыл бы в голос, да свело челюсти и перехватило дыхание. Но это у меня. Лиля неожиданно вскочила на ноги и заголосила:

– Уберите их! Уберите их с меня! Да помогите же!

Девушка принялась стряхивать с одежды что-то видимое ей одной, и далеко не сразу я осознал, что это не воображаемые жуки или змеи, а сгустки оранжевого пламени.

Подвёрнутые рукава рубахи загорелись, и старший смены рывкнул:

– Гасите её! Живо!

Но никто не стал обливать Лию водой. Сидевший напротив санитар воткнул ей в шею шприц и разом впрыснул всё его содержимое, до упора утопив поршень, а пришедшая ему на смену тётка лет тридцати обернула девушку плотным полотенцем с какой-то огнеупорной пропиткой, вроде бы даже асбестом.

В следующий миг санитарка подхватила Лию на руки и выпрыгнула из кузова – только мы их и видели. Я бы попросился следом, но не смог. Меня трясли судороги.

Старший смены выплеснул на обугленный участок скамьи кружку воды и покачал головой.

– Стихийный пирокинетик, подумать только! – А когда позади остался столб, отмечавший границу второго румба, спросил у водителя: – Что со скоростью?

– Сорок восемь. Порядок! – последовал уверенный ответ, и мы помчались дальше.

Движок и не думал перегреваться, работал как часы. З-зараз-за...

На пятом витке что-то неладное стало твориться со зрением. На самом деле, я по обыкновению загадал доехать лишь до конца четвёртого, но в последний миг снова передумал. Тут и там в небо взлетали зелёные, жёлтые и оранжевые сигнальные ракеты; счастливики, сумевшие войти в резонанс, попадались на глаза куда чаще прежнего. А я, чего греха таить, безумно хотел войти в их число. И слишком много всего перенёс, чтобы упустить эту уникальную возможность из-за недостаточного упорства.

Но на очередной завесе меня так и не зацепило. И не зацепило никого из моих спутников, а вот соискателей из других машин на обочинах я насчитал полный десяток. До заветной цели оставалось рукой подать, скрипнул зубами, продолжил терпеть.

Если разобраться, чувствовал себя относительно неплохо. Быть может, дело было в очередном понижении скорости грузовика или просто начал привыкать организм, но больше не казалось, что сейчас расплющит о сгустившееся пространство или взорвусь изнутри. Только вот глаза...

Глаза пекло сильнее с каждой минутой, из них катились слёзы, но видел я при этом всё предельно чётко. Болезненно резко, если уж на то пошло. Когда украдкой глянул на Ингу, её профиль ещё долго возникал цветной фотографией всякий раз, стоило только смежить веки.

В любой другой момент лишь порадовался бы этому обстоятельству, теперь же изображение жгло калёным железом. И ещё вдруг понял, что глаза у девушки самые обычные – карие, а вовсе не искрящиеся сапфировой синевой, как почему-то думалось раньше.

Это невеста с чего не на шутку огорчило, словно сейчас не имелось несравненно более серьёзных поводов для душевных волнений, вроде непонятно с чего прорезавшегося сверхзрения. Уж не знаю, каким чудом удалось сдержаться и не выткнуть пальцами глаза, до того невыносимую боль вызывал каждый взгляд. А стоило лишь зажмуриться или даже просто моргнуть – и становилось только хуже.

Да пропади пропадом этот резонанс!

Как обычно, неприятные ощущения стали отпускать в начале северной дуги, благо протяжённость витков неуклонно сокращалась и домчал грузовик до семнадцатого румба минут за тридцать или около того.

«Чем дальше, тем проще», – подумал я и протянул руку, в которую немедленно вложили кружку с водой. Половину расплескал, но что-то всё же влил в себя, стало легче.

Тогда окинул взглядом попутчиков, хотел проверить состояние товарищей, а вместо этого заметил, как с лихорадочной поспешностью что-то беззвучно шепчет чернявая девица. Никогда не обладал способностью читать по губам, а тут с кристальной ясностью понял, что это не молитва, а бесконечное повторение одного-единственного слова «нет».

– Нет! Нет! Нет! – И потом уже в голос: – Нет! Только не сейчас! Слишком рано! Не надо!

На крик обратил внимание начальник бригады, он подскочил к девчонке и потребовал:

– Перестань сопротивляться! Просто расслабься!

Та этих слов будто не слышала вовсе.

– Слишком рано! Я не хочу! – завизжала она, и старший смены отвёл назад руку.

– Транквилизатор! – потребовал медбрат, получил шприц и попытался воткнуть в шею истерички иглу, но стеклянный цилиндр попросту взорвался, в пальцах остался зажат один только поршень.

Никто не видел, лишь моё сверхзрение позволило если и не разглядеть, то уловить, как вокруг девицы сплетаются тончайшие нити незримой энергии. Она стала неотъемлемой частью окружающего пространства и времени, словно уложенный в нужное место кусочек мозаики, но из всех сил пыталась сопротивляться и оттягивать момент резонанса.

Разрушала гармонию. Шла вразнос.

Энергия переполняла её и, не находя выхода, бурлила в крови, прилиwała к голове. Артерия на шее набухла и пошла уродливыми буграми, чёрные глаза побелели и засветились электрическим сиянием, а сама девушка вдруг приподнялась над лавкой и взмыла в воздух.

Прежде чем начальник смены успел хоть что-то предпринять, его подопечная сместилась к заднему борту, а затем искажённый судорогой рот распахнулся во вновь ставшем беззвучным крике. Почудилось отчаянно-тоскливое:

«Руди...» – а следом негромко хлопнуло, и голова девчонки разлетелась брызгами крови и ошмётками запечённого мозга.

Старший санитар принял основной удар на себя, но алые капли долетели и до нас, забрызгав большей частью Антона. Тот оказался крепким орешком, лишь судорожно сглотнул и не проронил ни слезинки. Я видел это со всей отчётливостью. Сверхзрение – это хорошо...

– Вот же дура безмозглая! – зло выдал медбрат, вытирая с лица кровь сунутой кем-то тряпкой. – Теперь с объяснительными замучают!

Иных эмоций кроме злости гибель соискателя у него не вызвала, и дальше всё пошло по заранее установленному плану. Как ехали, так и продолжили ехать, даже не притормозили...

Шестой виток обернулся гигантской центрифугой. Меня вдавило спиной в борт с такой силой, что неминуемо бы треснули рёбра и раскрошился позвоночник, иди речь о физическом проявлении центробежной силы, но нет – что-то смещалось внутри меня и не более того.

Почему не попросил посадить на Западном луче?

Да просто навалилась апатия. Ну и глупо было бы соскакивать на половине пути.

Нерационально. Поздно.

Бедная дурёха погибла именно из-за своего опрометчивого желания перебороть уже накопивший на неё резонанс. Нарушила гармонию, пошла вразнос и – пух! Я всерьёз полагал, что уже опутан нитями незримой энергии и любая попытка выйти из игры обернётся фатальным исходом. Лишиться головы несколько не хотелось, проще было перетерпеть.

А между тем безумная центрифуга всё ускорялась и ускорялась. Разноцветные сигнальные ракеты взлетали в небо уже беспрестанно, частенько попадались на обочинах соискатели и санитары. Ну а мы неслись по южной дуге прежним составом.

Всё изменилось на семнадцатом румбе. Нет, одновременно давление никуда не делось, просто вошли в резонанс Инга и рыжий Антон. Вошли без истерик и криков, как-то обыденно-незаметно. Погрузились в транс, как мне показалось – легко и непринуждённо.

– Золотой дубль! – присвистнул начальник смены. – Это мы удачно съездили!

Наших спутников напоили водой с предварительно накапанным в неё пахучим лекарством и уложили на днище кузова, тогда Аркадий, которого трепало ничуть не меньше моего, нашёл в себе силы спросить:

– Разве не опасно их дальше везти?

– А чего тут опасного? – удивился один из санитаров. – Северная же дуга, не южная! Интенсивность, чай, не растёт. До Западного луча в лучшем виде доедут.

И – доехали.

Седьмой виток обернулся падением в огнедышащий зев домны, а до восьмого мы добрались, когда солнце уже вовсю клонилось к горизонту. Его лучи били по глазам всполохами стробоскопа, каждая такая вспышка выжигала что-то у меня внутри, но – привык. Точнее – свыкся.

Едем дальше.

Немного погода пришёл черёд и девятого витка, и вот там уже удалось расслабиться и задышать полной грудью. Солнце село, воздух посвежел, поток воздуха накатывал приятной

прохладой, а от изматывающего давления не осталось и следа. Разве что заложило уши, но болезненных ощущений на фоне всего остального это уже не вызвало.

Первый раз серьёзно зацепило меня в самом начале северной дуги. Что-то рвануло, потянуло и тут же отпустило, словно зубцы невидимой шестерни соскользнули и не сумели раскрутить до нужной скорости. Потом был ещё один рывок. И ещё.

Всё без толку. Ложные поклёвки.

А ближе к концу витка они и вовсе сошли на нет. Накатила тишина и спокойствие. Умиротворённость. Отступила усталость, стихла боль в измученном теле. Я перестал быть частью этого мира, отгородился от него, завернулся в непроницаемую пелену сверхэнергии, поплыл в мягкое и приятно ничто.

Транс не сумела разрушить даже воткнутая в шею игла. Так – будто комарик куснул. И толчки ладоней в грудную клетку тоже ощущались словно бы через слой из трёх перин.

Вот уж не понимаю, к чему вся эта возня.

Всё ведь хорошо! Всё замечательно просто!

Но санитары так почему-то не считали, и когда окружающий мир вдруг треснул и раскололся, один дюжий малый даже подхватил меня на руки и сиганул из кузова грузовика, как раз пронесившегося мимо столба за номером десять.

Раззява! Он точно что-то сделал не так. Наверное, не удержал меня и позволил шибануться головой о землю. Точнее даже – о наковальню. В толк не возьму, откуда та могла взяться посреди дороги...

Очнулся на койке в больничной палате. Сразу ощупал голову, но не обнаружил ни бинтов, ни даже мало-мальской шишки. Прислушался к собственным ощущениям – ничего не болело.

Удар пригрезился? Очень похоже на то...

Я откинул простыню и уселся на кровати, не испытав при этом никакого намёка на головокружение. Более того – был бодр и полон сил.

Остальные койки в палате пустовали, на тумбочке лежала чистая одежда: пижама, напоминавшая тюремную униформу из газетных карикатур, и мои собственные ботинки, а не вполне уместные в данных обстоятельствах мягкие тапочки. Тут же обнаружили очки, точнее – лишённая стёкол оправа.

Вспомнилась картинка расколовшегося мира, и я сообразил, что стёкла лопнули в тот самый миг, когда вошёл в резонанс.

Я ведь вошёл в резонанс?!

Аж мурашки по коже побежали от одной только мысли, что всё было напрасно и безумный заезд в итоге вогнал меня в шок, не позволив завершить инициацию!

Желая безотлагательно разувериться в этих своих опасениях, я сделал глубокий вдох закрыл глаза, сосредоточился и... Ничего. Вообще ничего. Вновь обрётённые способности никак себя не проявили, не удалось уловить ни малейших намёков на сверхсилу.

Да что же это такое? Неужели всё было зря?!

Во рту стало кисло от разочарования и обиды, но я заставил себя успокоиться, схватил рубаху и сверился с нарисованным на груди номером – тот оказался моим, только чуть ниже обнаружилась приписка: «9/32».

Ха! Это ведь точно неспроста! Ведь так?

Я быстро оделся, обулся и двинулся к входной двери, а уже по пути не удержался и мельком глянул в окно – судя по открывавшемуся из него виду, привезли меня в тот самый корпус, где проходил медкомиссию. Тогда выскочил из палаты и поспешил по коридору к закутку дежурной сестры. Сидевшая за столом в небольшой нише тётенька мигом оторвалась от чтения газеты, придвинула к себе журнал регистрации и макнула в чернильницу стальное перо.

– Скажите... – начал было я, когда она вписала в свободную графу номер с моей груди.

– Сначала в столовую, затем в двадцать первый кабинет, – заявила медсестра.

Я не удержался и спросил:

– Скажите, а инициация... Я её прошёл?

– В двадцать первом кабинете всё объяснят! – отрезала тётенька, потом сжалилась и сказала: – Да прошёл ты, прошёл. Беги завтракай.

– Да я...

– Ну-ка, марш в столовую!

Новость привела в чудесное расположение духа, и вступать в пререкания я не стал, буквально скатился по лестнице на первый этаж и озадаченно завертел головой по сторонам. Заметил через открытые двери столовой стоявшего в очереди к раздаче Аркашу, схватил из стопки верхний поднос и присоединился к товарищу.

– Привет! Ты как?

Аркадий улыбнулся и протянул руку.

– Голова гудит, а в остальном как огурчик!

– Остальных не видел?

– Инга по врачам ходит, а Лия уже в Новинск уехала. Ей направление в РИИФС выдали.

– РИИФС – это что?

– Республиканский институт исследования феномена сверхэнергии.

– Здорово! – искренне порадовался я за девушку. – А Лёва?

– Его ещё вчера отсюда увезли, я узнавал. Говорят, уникальный случай. Вроде, так быстро ещё никто в резонанс не входил.

Подошла наша очередь, мы получили по тарелке перловки, два ломтя белого хлеба с кубиками сливочного масла и стакану компота. Я попросил ещё один стакан – выдали и его. А когда расположились за одним из столов, то спросил:

– Ты потом долго ещё катался?

Аркаша постучал себя пальцем по груди.

– На восьмом румбе одиннадцатого витка доехал. Санитары изматерились все.

На рубаше товарища синей краской было выведено «11/8», и я опустил взгляд на собственную надпись. На сей раз её смысл загадкой не стал.

Девятый виток, тридцать второй румб.

Ещё б узнать теперь, каким образом это обстоятельство скажется на способностях! Впрочем, инициацию я прошёл, остальное вторично.

Ели молча. Просто смолотили еду и разошлись в разные стороны, поскольку в двадцать первом кабинете Аркаша успел побывать ещё до завтрака. Такое впечатление – не только он, очереди у нужной мне двери не оказалось. Постучал, дождался разрешения и переступил через порог.

Внутри посетителей дожидались уже знакомые мне профессорской внешности доктор и симпатичная светловолосая медсестра. Пришлось вновь оголяться, но на этот раз дело ограничилось лишь визуальным осмотром, после которого мне и шлёпнули очередной штампик «Без особенностей».

Рефлексы тоже оказались в норме, а потом какое-то время доктор расспрашивал о вчерашних ощущениях и что-то заносил в карточку личного учёта, а что-то отмечал в своей тетради. Под конец сказал:

– Сейчас иди в кинозал, это в конце коридора. Потом – в двенадцатый кабинет, оттуда в семнадцатый. Возможно, по результатам обследований назначат что-то ещё.

В дверь незадолго до того постучали, и я не решился приставать с расспросами касательно своих новых способностей, лишь уточнил:

– А в каком кабинете принимает окулист?

Доктор откровенно удивился.

– А зачем тебе, молодой человек, понадобился окулист?

Я показал свою лишённую линз оправу.

– Да вот, очки вчера разбил.

– А они точно тебе нужны?

На миг вопрос поставил в тупик, а потом я вдруг осознал, что прекрасно вижу и без очков. Если разобраться, куда лучше, нежели прежде видел с ними.

Перехватившая мой взгляд медсестра сдержанно улыбнулась, я смутился и поспешил покинуть кабинет, а в коридоре остановился перевести дух.

Вот так дела! Ну и ну!

Пока стоял, обратил внимание на других соискателей, беспрестанно сновавших по коридору туда и сюда. Некоторые выглядели сонными и даже болезненными, но помощь санитаров требовалась считанным единицам; в основном все передвигались самостоятельно. Правда, неплохим состоянием могли похвастаться лишь те, кто пережил вчерашнее испытание, а вот остальные...

Усилием воли я отогнал воспоминание о разлетевшейся на куски голове черноволосой девицы и поспешил в сторону кинозала. На входе там дежурила сестра в белом халате, она справилась о завтраке, а после утвердительного ответа выдала пилюлю и стаканчик с водой.

– Лёгкое расслабляющее, – пояснила тётенька в ответ на мой озадаченный взгляд.

Объяснение откровенно удивило, но куда сильнее поразило содержимое киноленты. Думал, предстоит просмотр заранее отснятого инструктажа, а на деле пришлось пялиться на вращение чёрно-белой спирали. То притягивало взгляд и гипнотизировало своей размеренностью, разве что изредка с какой-то непонятной периодичностью на неуловимые глазом мгновенья проявлялись изображения, которые не удавалось ни распознать, ни даже толком разглядеть.

Сидевшие в мягких креслах зрители следили за экраном с неослабевающим интересом и, казалось, даже не моргали. Все новые посетители странного киносеанса очень быстро обмякали в своих креслах, чтобы некоторое время спустя встрепенуться и покинуть зал, а вот меня не проняло ни через десять минут, ни через пятнадцать. Только от почти неуловимого мелькания вставок разболелась голова.

Плюнул на всё, двинулся на выход. Там замялся, не зная, стоит рассказать медсестре о нулевой реакции на просмотр, но так и не решился. Не из стеснительности даже, если разобраться, просто не захотел привлекать к себе лишнего внимания – а ну как это какое-то очередное испытание, и я его не прошёл?

А если ничего серьёзного – так и вовсе говорить не о чем. И я выкинул странный кинофильм из головы и отправился на поиски двенадцатого кабинета. На лестнице столкнулся с прыгавшей через ступеньки Ингой; та кивнула на ходу и поспешила дальше в компании рыжего Антона.

Вспомнилось, что и в резонанс они вошли практически одновременно, накатила глупейший приступ ревности, но совладал с ним без всякого труда. Сейчас было попросту не до душевных терзаний, требовалось как можно скорее разобраться со своими новыми способностями.

Так ведь и не объяснил никто, какими именно возможностями наделила меня инициация!

К двенадцатому кабинету выстроилась небольшая очередь, но продвигалась она чрезвычайно быстро – внутрь запускали сразу по несколько человек за раз, долго ждать не пришлось. Как оказалось, приём вели сразу три молодых специалиста – то ли студенты старших курсов, то ли аспиранты. Один контролировал установку, напомнившую электрический генератор, второй занимался радиоприёмником и панелью с набором электроламп, а третий – в белом халате с закатанными рукавами – как раз менял воду в оцинкованном металлическом баке.

– Минуту обожди, – попросил он, отставил ведро и кивнул. – Тридцать литров тютелька в тютельку. Давай бумаги!

Я протянул учётную книжку, и парень записал объём и температуру воды, потом ободряюще улыбнулся.

– Ну-с, приступим! Закатываем рукава, опускаем кисти в воду, концентрируемся на тепле и по сигналу сбрасываем энергию. На всё про всё даётся десять секунд. Готов? Тогда время пошло!

Задание вогнало в ступор. Как и то, с какой лёгкостью другой соискатель раскрутил ротор генератора, просто ухватившись за клеммы контактов. А тот, что готовился прийти ему на смену, заставил мигать гирлянду электроламп – надо понимать, всего лишь усилием воли. И мне – так же?!

Я погрузил кисти в воду и напрягся изо всех сил, но какого-либо эффекта не ощутил. Аспирант взглянул на градусник и нахмурился.

– Ну, и чего ты ждёшь? – раздражённо спросил он.

– Да я пытаюсь!

– Плохо пытаешься! Эффекта – ноль! – Парень вдруг прищёлкнул пальцами. – Стой! А ты в кинозале был?

Я кивнул.

– В транс входил?

Мелькнула мысль соврать, но ничем хорошим обернуться враньё не могло, поэтому на этот раз отрицательно покачал головой.

– Ну так чего ты пыжишься? – фыркнул аспирант. – Тебе в двадцать второй! Не сказали на выходе разве?

– Нет, – промямлил я.

– Всё, беги! Не задерживай людей!

Я вытер ладони о штанины и, как был, с закатанными рукавами вышел в коридор и поспешил к лестнице. Очереди к нужному кабинету не оказалось, постучал, дождался разрешения, вошёл.

– Чем обязаны? – выжидающе уставился на меня пузатый дядька.

– В кинозале в транс не вошёл, сказали к вам...

Во рту пересохло, сердце лихорадочно колотилось, ожидал чего угодно – даже откровенных насмешек, но хозяин кабинета деловито отодвинул на край стола кружку и блюдо с сухариками и позвал:

– Андрей! Посмотри мальчика!

Из-за ширмы выглянул худой ассистент лишь на пару лет старше меня самого. Он зыркнул пристальным взглядом, от которого по коже побежали мурашки, но этим всё и ограничилось.

– Абсолют, Макар Демидович, – заявил ассистент после этого. – Отклик нулевой.

Мне сделалось нехорошо, а пузатый дядечка, напротив, заметно оживился.

– Прямо вот абсолют?

Ассистент неуверенно пожал плечами.

– Ну или около того.

– И насколько – около?

Андрей обречённо вздохнул и указал мне на кушетку.

– Ложись. – Сам он достал колоду странного вида карт, разложил их веером и продемонстрировал звёзды, прямоугольники, волнистые линии и всё такое прочее. – Сейчас я стану посылать ментальные сигналы, твоя задача назвать изображение. Понятно?

– Да.

– Глаза закрой. Поехали!

В голове было пусто-пусто, никаких догадок касательно изображения не возникло, сказал наобум:

– Треугольник!

Так дальше и гадал, пока не прозвучала команда:

– Достаточно!

– Макар Демидович, один из десяти. Говорю же: абсолют!

– Продави его, Андрюша! – распорядился толстяк. – Давай-давай, не филонь! Надо прояснить клиническую картину!

– Да что там прояснять?! В последний вагон человек заскочил!

– Тридцать второй румб девятого витка – это далеко не гарантия абсолюта! Абсолют непредсказуем!

Андрей обречённо вздохнул, велел мне сесть и достал из кармана луковицу серебряных часов, начал раскачивать их на цепочке.

– Просто смотри и ни о чём не думай.

Я смотрел и не думал. Ну – старался не думать. Гипнозу не поддавался, ощутил только некую болезненную пульсацию над глазами и у темени, будто ледяными иглами кололо. Об этом и рассказал, когда поинтересовались ощущениями.

– Ещё и уклон в негатив! – заметил ассистент, вытирая носовым платком вспотевшее лицо.

– Подозрение на уклон в негатив! – поправил его дядечка и впервые поднялся из-за стола. – Молодой человек, сейчас мы сделаем вам инъекцию одного раскрепощающего сознание препарата. Волноваться совершенно не о чем, это нужно для подстройки под колебания сверхэнергии.

– А это точно необходимо? – забеспокоился я.

– Можете позволить себе провести несколько месяцев в медитациях для достижения состояния просветления? Нет? Тогда давайте воспользуемся передовой медицинской химией!

И мне сделали укол.

– На кушетку ложитесь и ждите, – сказал после этого ассистент, а сам включил проигрыватель грампластинок, но вопреки ожиданиям из динамика не зазвучала музыка, из них доносился один только фоновый шум, да через равные промежутки времени из-за какого-то дефекта повторялся шорох иглы звукозаписывающей аппаратуры.

Поначалу ничего не происходило, я просто лежал на кушетке и бездумно пялился в потолок, а затем, сам не заметил как, дыхание подстроилось под размеренный хрип иглы. Мир начал открываться с какой-то неожиданной стороны, делаться глубже и обрастать дополнительными подробностями. А ещё почудилось давление чужой воли, но легко отмахнулся от него, отрезавшись, сосредоточился на игре солнечных зайчиков, круживших по потолку в ритме, задаваемом шуршанием проигрывателя.

Стоило только присмотреться к светлым пятнам, и следом начала вращаться вся комната, а потом и кушетка подо мной, но её движение выбивалось из общего ритма, и этот диссонанс вызывал столь сильное ощущение дискомфорта, что даже затошнило. Захотелось раскинуть руки и замедлить вращение, но тело мне больше не повиновалось, тогда попытался, будто находясь во сне, изменить окружающую действительность силой собственной воли. И – сработало!

Часть светлых пятен прекратила вращение, замерла на месте, словно сработал эффект стробоскопа. Постепенно начали замирать и другие солнечные зайчики, они сливались, становились всё крупнее и ярче, пока не осталась лишь единственная точка.

Эпицентр.

Я и раньше существовал в одном ритме с ним, но только сейчас сумел это осознать и ощутить переполнявшую окружающую действительность энергию.

Точнее – сверхэнергию.

Больше мне не составляло никакого труда дотянуться до неё, теперь я был способен использовать её по своему собственному усмотрению. Ну или по крайней мере – обладал возможностью для соответствующей попытки. Ещё бы только разлепить веки...

Когда я открыл глаза, бледный и потный ассистент жадно хлебал чай.

– Абсолют и негатив. Макар Демидович, типичный негатив! Меня всего проморозило!

– Если и так, то ничего типичного тут нет! Абсолюту трёх кубиков никак хватить не могло, а при подстройке негатива температура градусов на десять упала бы. Но я на истину в последней инстанции не претендую, подозрение поставим, – возразил дядечка, сделал в моей учётной книжке какие-то пометки и сказал: – Попробуйте сесть. Ну как, голова не кружится?

– Нет.

– Ведро за ширмой.

«Какое ещё ведро?» – собирался спросить я, но рвотный позыв расставил всё по своим местам.

Ведро! Где это чёртово ведро?!

Я метнулся за белую занавесь, избежал от полупереваренного завтрака, умылся у ручного мойника, вытерся висевшим тут же полотенцем.

– Биение энергии ощущаете? – уточнил хозяин кабинета.

– Ага.

– Тогда идите в двадцать четвёртый, а далее по предварительному расписанию.

С учётной книжкой в руке я дошёл до названного кабинета и заглянул в распахнутую настежь дверь. Оказалось открыто и окно, и даже так в комнате пахло чем-то горелым.

– Разрешите?

Подтянутый господин с щегольскими усиками и прилизанными волосами вдавил в пепельницу окурочку и поманил меня к себе, забрал медицинские записи, ознакомился с ними и сказал девушке в белом халате:

– Марина Сергеевна, коллеги просят клиническую картину прояснить. Проведите двойной тест, будьте так любезны, – попросил он, доставая из жилетного кармашка золотую зажигалку.

– Присаживайтесь, пожалуйста, – предложила девушка со слишком жёстким и строгим, поэтому не очень-то симпатичным лицом, и попросила закатать рукава, а после нахмурилась. – Это у вас откуда?

Внимание её привлёк синяк, охвативший багровым браслетом левое запястье, пришлось пояснить.

– Повезло, что не оторвали, – хмыкнул щёголь, раскурил новую папиросу и протянул её помощнице, та затянулась и ткнула меня в руку ярко вспыхнувшим угольком.

– Ай, блин! – вскрикнул я и от неожиданности даже вскочил на ноги. – Совсем обалдели, что ли?!

– Сядьте, молодой человек! – грубоватым и не слишком-то женственным потребовала девица и положила папиросу в пепельницу. – Придётся немного потерпеть. Да садитесь же! Мы теряем время!

Я немного поколебался, но всё же поднял опрокинутый стул и опустился на самый его краешек. Медсестра откинула крышку алюминиевого чемоданчика и выбрала из заполнявших его стеклянных цилиндров схожий диаметром с папиросой. Вставила трубку в непонятное устройство, поднесла то к моей руке и предупредила:

– Будет немного больно, потерпите.

Но нет, когда сиреневой вспышкой мигнул выброс сверхэнергии, никаких особенно неприятных ощущений я не испытал, да и по размерам новый ожог оказался заметно меньше первого.

– Вот молодец! – похвалила медсестра и приложила к запястью обычную на вид линейку. – Тридцать процентов от нормы! – объявила она, измерив диаметр пятнышка опалённой кожи.

Щёголь хмыкнул.

– До нижней границы десятого витка дотянул? Нетипично.

Он внёс данные в учётную книжку, а его помощница сноровисто наложила на моё обожжённое запястье повязку. Этим делом не ограничилось, и кожу на правой руке повредили сразу в двух местах – поцарапали обычным скарификатором и для сравнения надсекли устройством для фокусировки сверхэнергии. Больно не было, точнее – не было больно, пока ранки не обработали медицинским спиртом, а там аж перекорёжило всего.

– Зайдите к нам перед двадцать первым кабинетом, – попросил напоследок щёголь. – Только обязательно – нужно будет скорость регенерационных процессов оценить.

Я кивнул и отправился восвояси, будто неудавшийся самоубийца – с повязками сразу на обоих запястьях. Рядом с двенадцатым кабинетом в гордом одиночестве подпирал стену Аркаша, он перехватил мой удивлённый взгляд и пояснил:

– Ингу жду. – О повязках спрашивать не стал, у самого были забинтованы обе руки.

Пару минут спустя к нам вышла Инга, и сразу вспыхнула красная лампочка над дверью, а по зданию разлетелся пронзительный звонок. Реакция последовала незамедлительно: двое дюжих санитаров выкатили из служебного помещения каталку и чуть ли не вприпрыжку помчались с ней по коридору. Они сходу влетели в кабинет и очень скоро вывезли оттуда рыжего Антона – тот выглядел слегка ошалелым, обе его кисти оказались замотаны бинтами.

Инга заглянула в дверь и с нескрываемой тревогой спросила:

– Что с ним?

– Пустяки, кипятком ошпарился! – беспечно отмахнулся аспирант, ответственный за бак с водой, и обратился к товарищу: – Представляешь, за один подход вскипятил! Самородок, чтоб его черти драли!

Я нерешительно помялся на пороге, потом шагнул в заполненную паром комнату.

– Можно?

– А, снова ты! Заходи! – Аспирант залил в бак новую порцию воды, сверился с показанием градусника и поправил уже внесённую в мою учётную книжку температуру. – Приступай!

Я опустил кисти в бак и спросил:

– А что делать-то?

– Просветления достиг, так? Ну вот! Тянешься к силе, копишь в течение десяти секунд и выплёскиваешь в воду. Сразу только не останавливайся, вываливай, сколько сможешь. Понял?

– Э-э-э...

– Да что сложного-то? Надуваешься как воздушный шар и сбрасываешь давление в воду. Только не давление, а тепло.

Парень достал спортивный хронометр с секундомером и выжидающе уставился на меня, а я зажмурился и обратился к едва уловимому присутствию сверхсилы, уловил её напряжение и коротко выдохнул:

– Готов!

– Поехали!

Усилием воли я изменил плавный ток энергии, завёл её в себя и попытался удержать, не смог, тогда, повинувшись какому-то наитию, раскрутил подобно волчку. И – сработало!

Давление начало стремительно нарастать и распирает меня изнутри, в груди разгорелось пламя, как если бы пытался слишком долго задерживать дыхание, по жилам потёк жидкий огонь, из глаз – слёзы.

– Жги!

Команда оказалась как нельзя более кстати – бешеное вращение пошло вразнос, и я едва успел вытолкнуть бушевавшую во мне силу вовне, прежде чем та сама вырвалась наружу неконтролируемым потоком.

Боялся обвариться, но вода лишь чуть нагрелась. Это немного даже разочаровало, но вместе с тем я испытал ни с чем не сравнимое облегчение. И по причине того, что больше не рвала бушевавшая внутри энергия, и от первого наглядного подтверждения собственных сверхспособностей.

Сознание оставалось ясным-ясным, а вот организм к подобным перегрузкам оказался откровенно не готов. Рубаха на спине взмокла, в ушах застучала кровь, ноги начали подгибаться. Попытался выпрямиться – и едва не упал.

– Иди к лампочкам сядь! – потребовал аспирант и попросил коллегу: – Обработай его пока!

Когда я плюхнулся на окружённый металлической рамкой табурет рядом с коробом радиоприёмника, в его динамиках прибавилось хрипов и шумов, но не слишком заметно, да и лампочки мигнули лишь раз или два.

– Поток чистый.

– Уверен? У него подозрение на негатив в анамнезе!

– Говорю же: у меня чисто! У тебя какие показатели?

– В пределах нормы для своего витка. Температуру на градус поднял – это двенадцать киловатт мощности примерно.

– Меньше на самом деле! – отозвался оператор генератора. – Ты вечно выход завышаешь!

– Не веришь – сам проверь!

Пришлось идти к силовой установке и браться за ручки с металлическими электрическими клеммами.

– Тут всё просто, – последовал краткий инструктаж, – чем больше прокачаешь через себя энергии, тем лучше. И не старайся выплеснуть всё чохом! Во-первых, ограничений по времени никаких. Во-вторых, ты лишь проводник, а не источник. Понял?

Я не слишком уверенно кивнул, поскольку мысли были заняты совсем другим.

Градус. Я нагрел тридцать литров воды на один-единственный градус. А рыжий Антон за то же самое время довёл её до кипения или около того! Во сколько же раз он мощнее меня? Ладно – его неспроста самородком называли, а что с остальными? Я в пределах нормы или...

– Эй, не спи! Приступай уже!

Ничего не оставалось, кроме как вновь обратиться к биению сверхэнергии и попытаться резким усилием воли раскрутить тяжеленный ротор. Щёлкнула искра, и я с испуганным вскриком отпустил рукоятку.

– Эй-эй! Ну ты чего творишь?! – возмутился ответственный за прибор. – Спокойней давай! Тут выплески не нужны, потрудись стабильность обеспечить! Чем дольше выдержишься – тем лучше!

Я понятия не имел, как можно упорядочить движение силы, которое едва-едва улавливал и почти не контролировал. Ничего путного в голову не шло, решил импровизировать. На вдохе втянул в себя энергию и уже привычным напряжением воли раскрутил, но не попытался на этот раз удержать её внутри, а без промедления перенаправил в силовую установку. Та басовито загудела, ротор мало-помалу начал наращивать обороты, пусть и очень неспешно, зато стабильно и без рывков.

– Не вижу признаков негатива. Ход плавный, напряжение не скачет.

Слова приободрили, и я поднажал. Работать с генератором оказалось всё равно что ехать на велосипеде против стремительного течения по ручью с глинистым дном. Приходилось не просто изо всех сил раскручивать внутри себя силу и равномерно вливать излишки в агрегат, но и удерживать её вращение под контролем. Грубо говоря – крутить, крутить и крутить педали

в ситуации, когда малейшая заминка, равно как и слишком сильный рывок обернутся неминуемой потерей равновесия. А упущу биение энергии – пиши пропало, испытание прервётся.

Не беда? Наверное, так. Вот только сто к одному, что результаты испытаний будут приниматься в расчёт при дальнейшем распределении. Я толком не знал, какое обучение ещё предстоит пройти, но заранее не желал оказаться в числе отстающих. И потому выкладывался на полную катушку, благо размеренная работа по перекачке энергии давалась несравненно проще, нежели её разовый выплеск при попытке нагрева залитой в бак воды.

Не могу сказать, будто совсем уж поначалу не напрягался, но особых сложностей с концентрацией не испытывал. Раскрутившийся внутри маховик черпал энергию откуда-то извне, а на мою долю оставалось лишь поддержание правильного баланса. Я был не источником силы, но лишь передаточным звеном. Вот только, как оказалось, звеном слабым.

Постепенно на поддержание перетока энергии в агрегат начало уходить всё больше и больше моих собственных сил, а достаточно стабильное вращение сделалось прерывистым, пришлось сцепить зубы и задействовать все свои внутренние резервы. По лицу заструился солёный пот, защипало глаза, сбилось дыхание и начало ломить тело, а сердце так и вовсе забилося в каком-то совсем уж лихорадочном ритме, как если бы и в самом деле изо всех сил крутил педали, направляя в горку драндулет с гнутым «восьмёркой» колесом.

Усталость заставила потерять сосредоточенность, а недостаточная концентрация помешала удерживать под контролем биение сверхэнергии; и без того уже прерывистое вращение духовного маховика сменилось резким рывком в какой-то новой плоскости. Сверкнул электрический разряд, меня ощутимо тряхнуло и откинуло от генератора. Ротор с тихим жужжанием начал замедлять вращение, потом остановился.

В голове часто-часто застучало, перед глазами начал мельтешить стробоскоп. Я согнулся в три погибели, пытаясь перевести дух, но спокойно отдышаться не дали.

– Ну-ка!

Один из аспирантов ухватил меня за руку и заставил усесться на окружённый металлической рамкой табурет. Радиоприёмник захрипел, замерцали лампочки, но вердикт остался прежним.

– Фон в норме. Не вижу особого уклона в негатив.

– Да и у меня частота вращения почти не гуляла, – высказался оператор силового агрегата. – Внеси три минуты двадцать пять секунд чистого времени и пятьсот ватт выработки.

Аспирант, уже опорожнённый оцинкованный бак, выполнил просьбу товарища и наморщил лоб.

– Мощность – всего девять киловатт? У меня больше было.

– У тебя всегда больше! Ты десять секунд на подготовку даёшь, а потом они ещё секунды две-три пыжятся! И девять киловатт чётко в стартовые двадцать процентов от пикового значения девятого витка вписываются, а двенадцать – уже нет.

– Эти нормы не учитывают реальный разброс значений! Ёлки, да мне пять минут назад бак вскипятили!

– Ну этот-то никак на самородка не тянет! Пиши итоговые девять киловатт и не выпендривайся!

– Да пишу я, пишу!

В этот момент дверь распахнулась и вошёл ассистент толстяка из двадцать второго кабинета.

– О, ты здесь! – припомнил он меня и спросил коллег. – И что у него с негативом?

– Ничего, – ответил аспирант, ответственный за радиоприёмник и гирлянду лампочек. – На уровне измерительных погрешностей.

– Да не может быть! – возмутился Андрей.

Я вытер рукавом рубахи вспотевшее лицо и спросил:

– Что за негатив-то?

– Оперирование сверхэнергией в противофазе. Собственные конструкции в этом случае так себе обычно выходят из-за проблем с фокусировкой, но зато при столкновении со стандартными взаимоуничтожение происходит. Чужую защиту взламывать – милое дело! Только в этом случае приходится атакующий стиль практиковать, без вариантов. – Аспирант протянул мне учётную книжку и указал на дверь. – Дуй в семнадцатый! А ты, Андрей, если уверен в диагнозе, выпиши ему направление в третий кабинет.

– Не могу, – досадливо поморщился тот и вдруг предложил: – Сходи сам туда, попроси посмотреть.

Я замялся.

– Как же без направления?

– Не хочешь – не ходи. Это тебе надо, не мне.

– Подумаю, – пробурчал я и отправился в семнадцатый кабинет, пребывая в отнюдь не самом добром расположении духа.

И результаты двух новых обследований его тоже несколько не улучшили. Сначала меня попросили усилием воли поднять установленную на весы килограммовую гирию, и это задание я благополучно провалил, заработав отметку «склонность к телекинезу отсутствует». Потом на весы поставили меня самого, да ещё нацепили широкий брезентовый ремень – не иначе, страховочный монтажников-высотников; двумя цепями он крепился к вмурованным в пол железным кольцам.

– Попробуйте воспарить над полом, – предложил молодой человек, какой-то слишком уж прилизанный и манерный. – Толкните себя силой, но умоляю – предварительно не стоит её копить. Никаких выплесков, одно только ровное давление.

Ну я и надавил. Уменьшил собственный вес на пару килограммов, обзавёлся записью «склонность к левитации отсутствует» и оказался выпровожен в коридор. Чётко, быстро, поделовому. На обитателей семнадцатого кабинета мои способности впечатления определённо не произвели.

Впрочем, а сумел ли я впечатлить хоть кого-нибудь? Даже устойчивость к гипнозу была расценена лишь как некоторое отклонение от нормы, а никак не уникальный случай.

Досадно.

Мелькнула мысль и в самом деле сходить в третий кабинет, но сразу выкинул её из головы. Ясно и понятно, что без направления там делать нечего. Проси – не проси посмотреть – толку не будет. Да и не хотелось навязываться. Никогда такого не любил.

Я свернул учётную книжку в трубочку и поспешил к лестнице на второй этаж, а там столкнулся с Ингой и Аркадием.

– Ты не отстрелялся ещё? – удивился мой товарищ. – А мы уже направления получили.

– Ого! И куда?

– Меня на специальные курсы при каком-то ОНКОР отрядили, а Инга вместе с Лией в институте сверхэнергии учиться будет.

– Только на разных кафедрах, – подтвердила девушка и заторопилась. – Аркаша, идём! Надо успеть пообедать, скоро из города машина придёт!

И они ушли, оставив меня в самых что ни на есть растрёпанных чувствах. Поначалу испытал мимолётную радость из-за того, что Аркадия не зачислили в одно учебное заведение с Ингой, но её тут же сменило волнение за собственное будущее.

У меня-то никакого направления ещё нет! Вообще никуда!

И будет ли?

Я прислонился к стене и перелистал учётную книжку. В слишком уж лаконичных отметках ничего толком не понял, кроме одного – мои способности на общем фоне ничем особым не выделялись.

Постоял, помялся, поколебался. Затем собрался с решимостью и отправился на поиски третьего кабинета. Впустую убил на это минут десять и даже заподозрил аспирантов в розыгрыше, потом только догадался обратиться к вахтёру. Тот указал на уходящую вниз лестницу.

Третий кабинет оказался просторным подвалом с голыми каменными стенами, сводчатым потолком и тёмными проёмами коридоров. Посреди помещения под тусклой лампочкой стоял застеленный клеёнкой стол, на том вместо замысловатых приборов лежали вперемешку с яичной скорлупой хлебные крошки и вывалившиеся из переполненной пепельницы папиросные окурки.

Здесь обитатели были под стать обстановке. Два мужичка средних лет в тёмно-синих рабочих комбинезонах научных сотрудников нисколько не напоминали и самое большее могли проходить по разряду обслуживающего персонала. Но я о вежливости забывать не стал и сначала поздоровался, а потом уже сказал, что меня направили сюда из двадцать второго кабинета.

Дядечка с пышными усами и немалых размеров проплешиной на макушке протянул руку и требовательно прищёлкнул пальцами, а когда я передал учётную книжку, быстро её пролистал и спросил:

- Направление где?
- Мне сказали так подойти, – промямлил я.
- Кто сказал?
- Ассистент...

Второй из здешних обитателей закурил и посоветовал:

– Трофим, гони его в шею без направления! Это опять Андрейка через голову доцента прыгнуть решил. Надоел пуще горькой редьки уже этот энтузиаст!

На что-то подобное я и рассчитывал изначально, а потому потянулся за учётной книжкой, но усатый только отмахнулся.

– Погодь, Савелий! Возможную склонность к негативу ему, тем не менее, диагностировали.

- Кто диагностировал? Андрейка?
- Нет. Сам!
- И что ты предлагаешь?
- Заводи свою шарманку, проверим парня.
- Тогда ты начинай, мне коридор подготовить надо.

Трофим подошёл к одному из тёмных проходов, включил дополнительное освещение, и только тут я разглядел, что метрах в пяти от входа закреплён холст с нарисованной по центру мишенью.

– Воду уже кипятил? – уточнил усатый дядька, а после моего кивка продолжил: – Всё точно так же – копишь силу и выпускаешь в центр мишени. Только работаешь не с тепловой энергией, а создаёшь волну, будто воздух перед собой толкаешь. Давлением. Усёк?

- Да вроде бы...
- Тогда вперёд!

После изматывающей работы с генератором я уже худо-бедно оправился, но одновременно некоей сопричастности к энергиям высшего порядка утратить ещё не успел, поэтому сконцентрироваться получилось достаточно быстро. На первом вдохе уловил биение сверхсилы, на втором дотянулся до неё, на третьем направил в себя и стал накручивать, будто на веретено пряжу. Почти моментально внутри начало концентрироваться нематериальное опалюющее облако, я сколько мог терпел жжение и резь, а когда давление достигло предела, выбросил вперёд руку и толчком воли выплеснул из себя концентрированную силу. Не выплеснул даже – просто перестал удерживать, отпустил.

Сверкнуло!

Пальцы обожгло и на глазах от боли выступили слёзы, но обошлось без серьёзной травмы – помахал кистью, подул и жжение быстро унялось, на коже осталось лишь небольшое покраснение.

– Отвратительное исполнение, ужасная фокусировка, – покачал головой Трофим.

Мой выплеск пошёл вкривь и вкось и зацепил лишь самый край мишени; в холстине там осталась неровная рваная дыра.

Перед глазами замелькали серые точки, в голове зашумело, а ноги стали ватными. Идти к столу я не решился и навалился на стену, а усатый дядька снял раму и оглядел следующую мишень метрах в пяти за ней – уже неповреждённую.

– Аховая дальность, – вздохнул Трофим, и я пожалел, что послушался совета и вообще сюда пришёл.

– Ну как? – крикнул из другого коридора Савелий.

– Да как, как? В пределах нормы, как! Ты там готов?

– Да, запускай.

Так и подмывало спросить, каким образом ужасная фокусировка и аховая дальность могут соответствовать какой бы то ни было норме, но момент для этого выдался не самый подходящий, поскольку подошло время нового испытания.

– Просто иди, – указал Трофим на тёмный проход. – Почувствуешь сопротивление – проламывайся из всех сил. Только дави не телом, а волей. Понял?

Я не понял, но кивнул и двинулся в указанном направлении. Первые два шага проделал без всякого труда, затем уловил едва ощутимое давление словно бы сгустившегося пространства и легко его преодолел. Перешагнул через черту на полу с цифрой два, подступил к следующей и немного даже замешкался, прежде чем сумел продолжить путь. После пришлось наклоняться, будто двигался против сильнейшего встречного ветра, а на пятиметровой отметке и вовсе уткнулся в невидимую стену – мягкую и упругую, но при этом совершенно точно непреодолимую.

– Волей дави! – напомнил свой совет Трофим. – Давай, порази нас! Я верю в чутё Андрюшки! Ты сможешь!

Стоило только обратиться к сверхэнергии, и незримая преграда разом подалась. Сопротивление никуда не делось, я не провалился вперёд, а продавил себя, сумев продвинуться к следующей черте, и вот там уже залип окончательно и бесповоротно.

– Всё, на шестёрке спёкся! – крикнул Трофим напарнику, и незримая преграда мигом испарилась, чуть на пол не рухнул от неожиданности.

На подгибающихся ногах я вернулся к столу и без спросу плюхнулся на табурет: на хорошие манеры у меня попросту не осталось сил.

– Скажите, а шесть метров – это как?

Трофим внёс пару отметок в мою учётную книжку, потом пояснил:

– Результат выше среднего, но негатив мы только после семи метров диагностируем. Пока у тебя пограничный результат, и сразу скажу: обычно в спорных случаях подозрение не подтверждается.

– Ни разу на моей памяти не подтвердилось, – вставил свои пять копеек присоединившийся к нам Савелий.

– На стёклах проверим, тогда уже ясность появится.

– Да пустая трата времени!

– Рубль поставишь?

Дядьки ударили по рукам и за прохождением мной последнего испытания стали следить с несравненно большим интересом, не сказать – азартом.

«Стёкла» оказались самыми настоящими силовыми экранами – вроде того, что довелось лицезреть на вокзале в Зимске, только эти выглядели тончайшими и совсем прозрачными. Ими

через равные промежутки перегородили коридор, который до того был закрыт. Поставленная же передо мной задача оказалась и нетривиальна, и предельно проста: требовалось их пробить.

Теперь я уже знал, что расфокусированный выплеск силы дотянется в лучшем случае до половины из целей, а то и вовсе уйдёт в сторону много раньше, поэтому спешить не собирался, намеревался для начала всё хорошенько обдумать и рассчитать.

Увы, на подготовку банально не оставалось времени.

– Не спи! – поторопил меня Савелий. – Они же каждую божью секунду целую прорву энергии сжирают!

– Сфокусируй выплеск! У тебя получится! – подсказал Трофим, вовсе не желавший проигрывать товарищу целковый.

– Да как его сфокусировать-то? – озадачился я.

– Снежки в детстве лепил, так? Вот и сомни силу поплотнее, лететь дальше будет.

Снежки – лепил. Но снежки лепят из снега, а не из энергии!

К тому же за сегодняшний день я так вымотался, что теперь оказался попросту не в состоянии задействовать свои определённо не самые великие сверхспособности. Дотянуться до энергии никак не получалось, чувствовал её присутствие и ощущал леденящее покалывание, а закрутить и направить в нужное русло уже не мог.

От перенапряжения и жутчайшего разочарования закружилась голова и заложило уши, тонким комариным пискom зазвенел подступающий обморок, и звук этот поплыл, начал едва заметно пульсировать, как с размеренной периодичностью шуршала в двадцать втором кабинете по странной грампластинке игла звукоснимателя. Мерцание электрического света наложилось на слабое мигание силовых экранов, а после лампочка и вовсе закружилась над головой и превратилась в сияющий обод, чтобы тут же распасться на отдельные огни. Знакомый стробоскопический эффект проявился на сей раз неожиданно сильно и резко, и уже не я закрутил должным образом поток энергии, а сверхсила закрутила меня самого.

Каким чудом не потерял равновесия и не грохнулся на пол – не знаю. Но именно что – чудом. Просто вывалился вдруг из этого безумного водоворота и не вывалился даже, а стал осью бешено вращающегося колеса, абсолютно неподвижной точкой изначального отсчёта всего и вся.

Энергия хлынула в меня бурным потоком, я зачерпнул, сколько смог, попытался смять и сконцентрировать, породить подобие шаровой молнии, но поскольку больше действовал руками, а не волей, сила вырвалась наружу и ослепительным разрядом унеслась вдаль по коридору, развеивая один энергетический экран за другим.

– Семь из десяти! – объявил Трофим.

– Ещё и холодком повеяло, – поскрёб плешивый затылок Савелий. – Неужто и впрямь – негатив?

Я ничего не сказал и ничего не спросил. Меня нагнал обморок.

Глава 4

Отпаивали меня холодной водкой и горячим чаем.

Гранёный стакан я принял бездумно и глотнул из него, ещё пребывая в полуобморочном состоянии. Тут же закашлялся и захрипел, получил кружку и быстро хлебнул, но чай обжог рот как-то совсем уже немилосердно, аж глаза на лоб полезли. Зато вмиг пришёл в себя.

– Эх, молодо-зелено, – вздохнул Савелий. – Нешто водки раньше не пробовал?

Я помотал головой.

– Что за поколение малахольное пошло? – хмыкнул дядька и влил в себя недопитый мною алкоголь. – Чай пей. Чай тоже помогает.

– Коньяк лучше действует, – заметил Трофим, – но чего нет, того нет.

– Да всё хорошо уже, – заявил я, не спеша, впрочем, подниматься с табурета. И он-то каким-то слишком шатким казался, а уж на ногах и вовсе могу не устоять. Рука с кружкой так и вовсе ходуном ходит, и это не нервный тремор, это от усталости.

– Негатив мы тебе не диагностируем, – заявил Трофим, что-то вписав в мою учётную книжку. – Неоднозначные у тебя результаты. Один нейтрально-отрицательный, другой условно-положительный.

– И официального направления нет, – поддакнул его плешивый товарищ. – Нам и обследовать тебя не следовало! Узнает кто, что в резонанс вогнали, по головке точно не погладят. Видано ли дело – и суток с инициации не прошло!

Я захлопал глазами.

– В резонанс? Так это резонанс был?

Трофим кивнул.

– А что ещё? Запомни свои ощущения – это твой ключ к резонансу. На тебя гипноз не действует, до всего своим умом доходить придётся. Так что ещё повезло, можно сказать. Только без инструктора даже не пытайся снова в транс войти. Войти – войдёшь, да не факт, что опять успеешь в обморок грохнуться. А то выгоришь, и вся недолга.

– В резонансе себя контролировать – настоящее искусство, чтоб ты знал! – подтвердил Савелий. – Не хрен собачий!

На том меня и выпроводили. К этому времени уже худо-бедно оклемался, но подъём из подвала на второй этаж обернулся одышкой, лицо покрылось испариной, рубаха на спине в очередной раз стала влажной от пота. Утешало лишь то обстоятельство, что попадавшие в коридорах соискатели вид имели ничуть не менее измученный, а некоторые так и вовсе уже не могли передвигаться самостоятельно, их возили на каталках. И ведь утром все такие бодренькие были!

В двадцать втором кабинете меня сразу избавили от повязок, и если оставленный сигаретой ожог в размерах не уменьшился и лишь поблёк, то его энергетический собрат превратился в едва заметную бледно-розовую точку. Аналогичным образом дела обстояли и с порезами на правой руке: след от скарификатора превратился в поджившую царапину, в то время как второй разрез протянулся по коже едва заметной белой ниточкой.

Разница была прекрасно видна и невооружённым глазом, но исключительно визуальным осмотром медсестра не ограничилась. Она нацепила на голову оптический прибор, состоявший из целого набора разнокалиберных линз, вооружилась линейкой и начала диктовать щёголю какой-то бессмысленный набор цифр.

– Ага. Ага, – кивал тот, внося данные в мою учётную книгу. – Ничего выдающегося. О! А вот это уже интересно!

Отрывистые замечания не на шутку разожгли любопытство, и, прежде чем покинуть кабинет, я поборол нерешительность и спросил:

– И что со мной?

– Всё замечательно! – заявил в ответ щёголь, беспечно покачивая закинутой на ногу ногой. – Скорость регенерации тканей при механических повреждениях в два с половиной – три раза превышает оную способность обычных людей. Точнее позволит определить полноценное обследование, но не вижу смысла тратить на это время – показатель в пределах нормы. А вот заживление повреждений энергетического характера протекает существенно выше средних значений. Но опять же – насколько именно выше, могут дать ответ только комплексные тесты. Что-то ещё?

– Нет, благодарю, – мотнул я головой, вышел в коридор и встал в конец длинной очереди, выстроившейся к двери кабинета напротив.

Надолго внутри никто не задерживался, вскоре попал на приём к дядечке профессорской внешности и я. Тот быстро пролистал учётную книжку, что-то хмыкнул себе под нос и вновь просмотрел записи, на этот раз – куда внимательней прежнего. После взял стопку сшитых суровой нитью и опечатанных сургучом листов и внёс моё имя в верхнюю пустую строку.

Я невольно сглотнул в ожидании вердикта, но дядечка никуда не торопился. Он заполнил какой-то бланк, поставил подпись и передал его медсестре. Та не глядя шлёпнула треугольную печать и протянула бумажку мне.

Листок оказался путёвкой в общежитие при распределительном центре Новинского отделения министерства науки, и я во все глаза уставился на хозяина кабинета.

– Простите...

– Да-да, молодой человек? Слушаю.

– А направление на учёбу? Всем моим знакомым выдали такие.

Дядечка ободряюще улыбнулся.

– Не беспокойся на этот счёт, получишь направление в самом скором времени. На текущем этапе удовлетворяются лишь предварительные заявки аккредитованных учебных заведений на абитуриентов с определёнными характеристиками. То, что кто-то им не соответствует, это нормально. Обычное дело.

От разочарования и обиды защипало глаза, но я пересилил себя, криво улыбнулся и спешно покинул кабинет. Очень уж не хотелось раскисать на глазах у смазливой медсестрички, будто той было до меня хоть какое-то дело. Ну или мне до неё.

На лестнице я сделал несколько глубоких вдохов и кое-как взял себя в руки, успокоился. Пусть и не получилось сразу попасть в один институт с Ингой, ещё ничего не решено, раз только предварительные заявки обрабатывают.

Зачислят ещё! Ну а нет – тоже убиваться не стану, я ведь прошёл инициацию! Не отсеялся в самом начале, не сошёл с ума, не погиб в свой первый резонанс. И самое главное – не сдался. Не сдался и добился поставленной перед собой цели. Всё остальное вторично.

Но – обидно.

Ни Инги, ни Аркадия отыскать не вышло – как видно, их уже увезли в город. Я без особого аппетита пообедал, получил мешок с вещами, переделся и присоединился к остальным то ли ещё соискателям, то ли уже операторам, которые оккупировали тенистую часть двора. Во второй половине дня в здании стало не продохнуть, а на улице гулял хоть какой-то ветерок.

Разговоры почти не велись, в основном все сидели молча. Юноши не пытались впечатлить своими новыми способностями девушек, девушки не строили глазки и не кокетничали; все медленно приходили в себя после утомительных испытаний. Наверное, и поход в кинозал сказывался не лучшим образом: многие болезненно морщились и массировали виски. Ещё и жара...

Изредка подъезжали автобусы; иногда их сопровождали мотоциклы с установленными на колясках ручными пулемётами, иногда – открытые вездеходы с крупнокалиберным воору-

жением на турелях. Но не армейские: и на тех и на других неизменно белели эмблемы в виде стилизованной модели атома. Представители учебных заведений поднимали над головой таблички или попросту выкликивали нужные фамилии, грузили своих подопечных в транспорт и уезжали. На остальных это действовало угнетающе.

Меня забрали в числе последних. Уже поздним вечером нами битком набили два душных и прокалённых автобуса и повезли в город, не снизойдя до хоть каких-либо объяснений и пояснений. Их должны были дать уже на месте.

«На месте» оказалось комплексом новеньких двухэтажных домов на окраине Новинска. Территорию распределительного центра окружал высокий забор, попасть внутрь и выйти наружу можно было лишь через пропускной пункт. Плац, столовая, медчасть и основной корпус с вывесками «Администрация» и «Библиотека», за ним какие-то не до конца разобранные бараки. Вроде бы условия для проживания не из худших, но, когда после регистрации и скудного ужина нас разместили в длинном, казарменного типа помещении, стало откровенно не по себе. Очень это всё напоминало даже не армию, а исправительное заведение – то, которое закрытого типа, для малолетних правонарушителей.

Перед отбоем закреплённый за помещением дневальный велел выстроиться у кроватей – к нам пожаловало высокое начальство.

– Ровнее становитесь! Ровнее! – придиричиво потребовал он, а затем и сам вытянулся по стойке смирно и на одном дыхании выдал: – Ваше благородие, новоприбывшие для проведения инструктажа построены!

В казарму вошли двое: господин лет сорока в федоре и дорогом, определённо пошитом на заказ костюме и тип чуть постарше, назвать которого господином не повернулся язык. Бульдोजье лицо, кряжистая фигура, военная выправка, да и пиджак кроем напоминал скорее китель. На голове – картуз.

Старорежимное обращение неприятно царапнуло слух, а выказываемое дневальным подобострастие заставило приглядеться к «их благородию» внимательней. Вытянутое лицо отличалось тонкими чертами, но при этом казалось волевым и, как принято говорить, породистым. Щёки были гладко выбриты, от левого уха под воротник сорочки уходил тонкий белый шрам. И слегка подёргивалось нервным тиком левое же веко. Осанка – будто шпагу проглотил или тросточку вроде той, что сейчас зажал под мышкой, но, в отличие от державшегося на шаг позади спутника, военного он ничем не напоминал.

«Из бывших», – решил я и сам поразился тому обстоятельству, сколько деталей сумел подметить за эти несколько секунд. Прежде подобной наблюдательностью похвастаться не мог, и дело было точно не в одном только избавлении от близорукости – помимо всего прочего каким-то неуловимым образом изменилось само восприятие окружающей действительности.

– Я – комендант распределительного центра, – объявил господин, – и вы какое-то, искренне надеюсь, очень недолгое, время пробудете здесь под моим попечением.

Холёное лицо оставалось бесстрастным, а вот слова буквально сочились презрением, но никому из нашей разношёрстной компании и в голову не пришло возмутиться; напротив – все стояли, затаив дыхание. И я – как все. Даже стало чуточку стыдно из-за собственного конформизма и захотелось назло всему выдать какую-нибудь дерзость, но справиться с этим необдуманным порывом оказалось предельно просто.

Благоразумие. Мне хотелось думать, что таким образом сказалось именно благоразумие.

– Правил немного: под категорическим запретом находятся нарушение установленного администрацией распорядка дня, воровство, драки и любая, подчёркиваю – абсолютно любая политическая агитация. Все замеченные в данных проступках понесут самое суровое наказание!

Благоразумными среди нас оказались не все. Кое-кому не хватило ума проникнуться серьёзностью момента и промолчать.

– И что нам сделают? – ухмыльнулся крестьянской внешности бугай, высоченный и широкоплечий, с натруженными руками. – Мы – сверхлюди!

Комендант брезгливо дёрнул плечом, и громилу сшибло с ног, протащило по крашеным доскам пола в конец помещения и хорошенько шибануло о стену. Там он и остался лежать. Вроде бы – живой.

Проделано всё оказалось столь виртуозно, что выброс силы не только не зацепил никого из соседей бедолаги, мы его даже и не почувствовали. Я – так уж точно. А значит, не смог бы и защититься. И осознание этого факта заставило замереть на месте подобно соляному столбу.

Как видно, к аналогичному выводу пришли и остальные, в казарме воцарилась полнейшая тишина. Никто и с ноги на ногу не переминался, а уж о своих конституционных правах, наверное, даже слишком громко подумать боялись.

– Вы не сверхлюди! – объявил нам комендант. – Вы даже не личинки сверхлюдей, иначе не оказались бы здесь! Вы просто – личинки! – Он заложил руки за спину и прошёлся по проходу, внимательно изучая остолбеневших соискателей. Передо мной задержался, но ничего не сказал, почти сразу двинулся дальше. – До обретения полного контроля над сверхэнергией трёхмесячный перерыв в посещениях Эпицентра с гарантией сводит способности к нулю без какой-либо возможности их реанимировать! Трёхмесячный арест – и вы снова никто!

Дойдя до конца помещения, комендант с презрением глянул на неподвижное тело, развернулся и пошёл обратно.

– И вот ещё что! Любое применение сверхспособностей во время нахождения в распределительном центре карается не менее строго, чем вышеперечисленные проступки!

Тут не выдержал молодой человек в форме какого-то провинциального лица.

– Господин комендант... – Он поднял руку, будто находился на уроке, заметил, как переменялся в лице окликнутый им мужчина, и спешно поправился: – Ваше благородие, разрешите обратиться! – Дождался благосклонного кивка и выпалил: – А если способности проявятся произвольно? Без всякого умысла? Что тогда?

– Всякое использование сверхспособностей будет признано умышленным! – последовал жёсткий ответ. – Начиная с сегодняшнего дня и до отбытия, станете получать препараты, временно подавляющие возможность оперирования сверхэнергией. Принимать их или нет – личное дело каждого. О последствиях вы предупреждены.

На этом инструктаж и завершился. Когда комендант покинул казарму, дневальный дал команду разойтись и дважды дунул в медный свисток. Почти сразу прибежали санитары с носилками, погрузили на них так и не очнувшегося бедолагу и уволокли в медчасть.

Следом принесли воду и пилюли, начали выдавать под роспись. Никто от них не отказался, в том числе и я. Поколебался немного, правда, стоит ли глотать непонятную химию, но в итоге решил проявить благоразумие. Пусть лунатизмом отродясь не страдал, только мало ли как нервотрёпка скажется? Долбану кого-нибудь во сне молнией – и что тогда?

Проглотил синюю горошину, запил глотком воды, разделся и забрался в кровать. Почему-то подумалось, что с зачисленными в учебные заведения абитуриентами обращаются совсем иначе. С этой мыслью и уснул.

Говорят, утро вечера мудренее, а вот меня после пробуждения ещё долго не оставляла сонливость, да ещё во рту стоял мерзкий привкус чего-то горько-лимонно-медикаментозного. Вне всякого сомнения, так проявлялись побочные эффекты принятого на ночь препарата, и я понадеялся, что больше в распределительном центре мне ночевать не придётся.

Соседи выглядели ничуть не лучше, многие зевали, кого-то дневальному и вовсе пришлось расталкивать и сгонять с кровати, а потом чуть ли не волоком волоочь в уборную. Умывание холодной водой разогнало туман в голове и придало бодрости, утро перестало казаться

унылым, а перспективы – безрадостными. В конце концов, своего я добился – инициацию прошёл, дальше будет проще.

Гимназистская форма выглядела мятой и пыльной, но заменить её было нечем, оделся. Когда оправлял гимнастёрку, пальцы наткнулись на значок февральского союза молодёжи, и сразу вспомнились слова коменданта о запрете любой политической агитации.

Не потому ли он замедлил шаг, проходя вдоль строя? Да и глянул тогда как-то совсем недобро.

Снимать символ нашей организации не хотелось, это казалось чем-то постыдным, чуть ли не предательством идеалов. От одной только мысли, что повстречаюсь без него с Ингой, огнём загорелись щёки, но благоразумие оказалось сильнее стыда. Значок я снял. Просто не убрал в мешок, вместо этого перецепил на внутреннюю сторону клапана нагрудного кармана.

Вроде как замаскировался, а не принципами поступился.

Что заставило так поступить: страх или всё же благоразумие, не смог бы ответить даже самому себе. После вчерашней выходки коменданта грань между этими понятиями сделалась для меня чрезвычайно тонка.

Перед завтраком всех обитателей распределительного центра выстроили на плацу, набралось нас под две сотни. Больше всего оказалось крестьян, но их численное превосходство не было подавляющим: хватало и выходцев из рабочего класса, детей мещан и разночинцев. Наособицу небольшими компаниями сгруппировались смуглые черноволосые иноверцы, отпрыски торгашей и пограничного служивого люда. Девушки тоже стояли отдельно, они составляли никак не меньше трети от общего количества собравшихся.

– Смирно! – крик заставил выпрямиться и замолчать, но никто по струнке тянуться не стал, разве что несколько подхалимов из первых рядов.

Появился комендант. Он прошёлся по плацу, помахивая тросточкой, и лучи солнца заиграли на гранях хрустального навершия её рукояти. Никаких претензий к внешнему виду собравшихся высказано не было, нас будто сочли недостойными разноса, хоть поводов для него, судя по презрительно кривящимся губам «их благородия», имелось превеликое множество.

– Сегодня в полдень состоится вводная лекция, после начнётся ваше распределение по учебным и... прочим заведениям! – объявил комендант, сделав в конце фразы столь многозначительную паузу, что у меня засосало под ложечкой. – На завтрак шагом марш!

Несмотря на команду, выдержать подобие строя не получилось даже близко, но хоть не ломанулись к столовой неуправляемой толпой, а выдвинулись отрядами. У входа пришлось дожидаться своей очереди, зато обошлось без толчеи внутри.

Завтрак обилием отнюдь не поразил: стакан компота, ломоть вчерашнего хлеба, кубик масла, варёное яйцо. Всё.

Кто-то начал возмущаться, но его сразу урезонил паренёк из захавших сюда на день раньше – как оказалось, нормально кормят уже после зарядки. И точно: по окончании завтрака нам велели бежать в казарму, раздеваться до трусов и возвращаться на плац.

– Дайте хоть пищу переварить! – возмутился дородный юноша в недешёвом костюме.

– Чтобы тебя, жирдяй, на солнцепёке удар хватил? – презрительно скривился назначенный нашему отряду староста. – Шевели булками!

Тучным возжелавший отдыха паренёк вовсе не был и, как мне показалось, вполне мог насыпать грубияну по первое число, но проглотил оскорбление и безропотно отправился переодеваться. Остальные потопали следом.

После вышли, выстроились, проводили заинтересованными взглядами девчонок в купальниках, которых повели куда-то за полуразобранные бараки на другую площадку. Посмотреть было на что, удивительно, как ещё никто вслед не засвистел.

Дальше всё пошло своим чередом: разминка, прыжки на месте с хлопками над головой, повороты корпусом, наклоны вперёд. Когда разогрелись, нас распределили на группы и погнали от одного спортивного снаряда к другому. Помахали трёхкилограммовыми гантелями, покачали пресс, отжались, подтянулись на турнике.

Десять подтягиваний и двадцать отжиманий мне дались с немалым трудом – очень уж жарко было, несмотря даже на раннее утро. Весь потом так и обливался.

Затем пришёл черёд трёхкилометрового кросса. За территорию не выпустили, накручивали круги вдоль забора. И вот это уже оказалось испытанием серьёзней некуда. Дыхание моментально сбилось, заныл пресс, закололо печень, в голове застучал пульс. Ещё и солнце палило на протяжении почти всей дистанции, редко где был тенёк, стало жарко, пересохла глотка, пот начал разъедать глаза.

Попытался – думаю, и не я один! – сжульничать и, наплевав на запрет, обратиться к сверхсиле, да только без толку: ощутить ток внешней энергии не вышло. Так дальше и бежал, едва переставляя ноги, но хоть не плёлся в числе отстающих. Кого-то даже обгонял. Иногда.

В итоге в казарму я заполз с языком на плече. Всё, чего хотел, – это принять душ и рухнуть в кровать, но не вышло.

– Эй, городской! – остановил меня среднего роста паренёк в косоворотке, плечистый и с мускулистыми руками. – Стяни сапоги!

– Чего? – опешил я.

– Глухой, что ли? Разуться помоги!

Парень был деревенским – судя по хромовым сапогам, из кулаков, – вот и решил самоутвердиться за счёт городского привычным для себя образом. Неспроста же ор поднял на всю казарму, всеобщее внимание привлекая.

– Давай сам! – ответил я отказом и попытался отодвинуться, но не тут-то было.

Сильный толчок в грудь заставил отступить, а кто-то из кулацких подпевал незаметно опустился на четвереньки у меня за спиной, я налетел на него и со всего маху грохнулся на пол. На чистом инстинкте успел прижать подбородок к груди, как когда-то учили в борцовской секции, но и так падение вышло крайне жёстким. Воздух вырвался из отбитых лёгких, взорвались болью рёбра. Да и после, когда прояснилось в глазах, ни встать, ни перевернуться на бок не сумел из-за придавившей к половицам ноги.

– Снимай!

Имейся возможность пустить в ход сверхспособности – сделал бы это без всяких колебаний, сейчас же ничего не оставалось, кроме как ухватиться одной рукой за носок, а другой – за пятку упёртого в грудь сапога.

А какие варианты? Звать на помощь дневального? Так это драка, а драться нельзя...

Послышались смешки, и крепыш расплылся в довольной ухмылке, слегка приподнял ногу, ослабляя давление на рёбра. Тут-то я и вывернул его стопу вбок!

Силёнок порвать связку не хватило, но и так мой обидчик взвыл от боли и попытался отпрыгнуть, тогда лягнул его опорную ногу, завалив рядом с собой. Меня тут же ухватили за плечи и оттащили в сторону, а вот тумачков отвесить уже не успели, мигом отпустили, стоило только раздаться громогласному окрику:

– Отставить!

В казарму забежал невесть куда отлучавшийся дневальный, вслед за ним зашёл вчерашний спутник коменданта.

– Что здесь происходит? – потребовал он объяснений.

Воцарилась тишина, и я обмер. Стоит только кому-то открыть рот, и окажусь впутанным в драку. Комендант, как пить дать, не станет разбираться, кто был зачинщиком, а кто жертвой, «их благородие» точно накажет всех без разбора в назидание остальным!

– У товарища после бега ноги опухли, – быстро произнёс я, поднимаясь с пола. – Он попросил помочь сапоги стянуть, а я по неопытности слишком сильно потянул. Но, надеюсь, ногу не вывихнул, ведь нет?

Державшийся за двухъярусную кровать деревенский задира зло на меня зыркнул и процедил:

– Со мной всё в порядке.

– Медицинская помощь требуется?

– Нет!

– Тогда живее одевайтесь, если не хотите пропустить второй завтрак!

После этого заявления никто в казарме задерживаться не стал, все поспешили в уборную. Прибежавшие первыми успели занять закреплённые у одной из стен душевые лейки, из которых бежали тоненькие струйки воды, остальным пришлось ждать своей очереди или приводить себя в порядок у раковин.

В открытую на меня никто не пялился, но нет-нет да и ловил брошенные украдкой взгляды. Это нервировало. И пугало.

Немного погодя появился и вознамерившийся повеселиться за мой счёт кулак, прихромал он не один, а в компании парочки подпевал. Такой расклад сулил одни сплошные неприятности, и оставалось уповать лишь на то, что сегодня же получу назначение на новое место. Ну или его получают они. Тоже не самый плохой вариант. А пока имело смысл держаться от этой троицы подальше.

Сполоснулся я в итоге буквально за пять секунд и спешно вернулся в казарму под пригляд дневального. Там оделся и даже успел немного успокоиться, прежде чем пришло время отправляться на второй завтрак, который, в отличие от предыдущего приёма пищи, оказался несказанно сытней. В одни руки давали порцию каши и две сосиски, а вместо компота из сухофруктов – чай.

Из столовой всех погнали в главный корпус, где рассадили уже не отрядами, а по месту инициации. Насколько удалось понять, подавляющее большинство постояльцев распределительного центра вошли в резонанс на восьмом витке, только треть сделала это на девятом, а никого другого тут и не было вовсе.

Выступать перед нами взялся профессор Чекан, заведовавший кафедрой пиковых нагрузок в том самом институте исследования феномена сверхэнергии, куда уже зачислили Ингу и Лию, и невольно зародилась надежда на благоприятный исход.

А ну как ещё примут?

Дородный, не сказать – толстоватый профессор в старомодном твидовом костюме встал за кафедру, оглядел присутствующих и постучал ложечкой по горлышку стеклянного графина. Звон заставил смолкнуть шепотки, воцарилась тишина.

– Для меня большая честь поздравить собравшихся с успешной инициацией! Вместе с тем, развитие навыков оперирования сверхэнергией потребует колоссальных усилий, а потому дифирамбов петь не стану и сразу перейду к главному. Все вы вошли в резонанс на восьмом и девятом витках базовой спирали, именно это обстоятельство и сыграло определяющую роль в формировании ваших способностей. Как известно, по мере приближения к Эпицентру существенным образом возрастает концентрация сверхэнергии; соответственно, ранняя инициация свидетельствует о высокой чувствительности, а это палка о двух концах. Условно говоря, из такого оператора получится хороший диагност или хирург, способный на ювелирное вмешательство, но тонну металла взглядом он никак не расплавит. Силёнок не хватит.

Послышались смешки, да я и сам окончательно расслабился. Мы-то почти дотянули до конца спирали! Мы-то о-го-го!

– С другой стороны, – продолжил лекцию профессор Чекан, – если человек сумел войти в резонанс лишь на последних витках, это свидетельствует о чрезвычайной устойчивости к энер-

гетическому воздействию. Грубо говоря, такой оператор неприспособлен к тонкому управлению сверхсилой. Скальпель – это не его. Его призвание – махать молотом.

Собравшиеся загомонили, и заведующий кафедрой поднял руку, призывая к тишине.

– Мощность оператора прямо пропорциональна произведению квадрата номера витка и квадрата расстояния от внешней границы этого витка до истинного эпицентра в километрах, но обратно пропорциональна разности между первым показателем и расстоянием от эпицентра до середины витка.

Из этого объяснения ничего не понял даже я, а большинство присутствующих в лучшем случае закончило пятилетку, если вовсе не три класса сельской школы, поэтому профессор взял кусок мела и принялся писать на доске.

– Пример для первого витка! – заявил он, выводя: – « $\pi \times 1^2 \times 12^2 \div (11,5 - 1)$ ». Получается сорок три расчётных единицы, что даёт нам итоговую мощность в размере два с половиной киловатта. – Понимания в глазах слушателей не прибавилось, и последовало новое пояснение: – Условно говоря, четыре лошадиных силы.

Тут уж собравшиеся принялись горячо обсуждать услышанное, и озвученное профессором значение никого не воодушевило. Меня – так уж точно.

Четыре лошадиных силы – это курам на смех! Мотоцикл больше выдаёт!

Профессора столь бурная реакция вовсе не удивила, и он поспешил привести новый расчёт.

– В случае восьмого витка цифры выглядят следующим образом: « $\pi \times 8^2 \times 5^2 \div (8 - 4,5)$ ». Таким образом, оператор сможет развить пиковую мощность в сто семнадцать лошадиных сил. Для девятого витка этот параметр составит шестьдесят лошадиных сил.

Услышанное одновременно и порадовало, и огорчило. И не меня одного – в аудитории снова зашумели, тогда завкафедрой в очередной раз поднял руку.

– Не забывайте о молоте! К тонкому оперированию вы практически не приспособлены, а высокие нагрузки быстро утомляют. Предел любого оператора – это час работы на мощности, близкой к пиковой.

– Ну, тоже неплохо, – проворчал кто-то из моих соседей.

– И это ещё не всё! – чуть ли не выкрикнул профессор Чекан. – Резонанс! Ничуть не меньшую роль играет резонанс! – Все вновь притихли, и продолжил он уже спокойней: – Длительность резонанса напрямую зависит от протяжённости румба и скорости движения при инициации, для восьмого витка она составляет минуту тридцать шесть секунд, а для девятого – на тринадцать секунд меньше. Пустяк? Отнюдь нет! Формулу приводить не стану, скажу только, что в состоянии транса пропускная способность с каждой секундой увеличивается в геометрической прогрессии! А оператор способен управлять лишь объёмом энергии, не превышающим выход резонанса. Это объективный предел, который не превзойти!

Не могу сказать, будто на собравшихся заявление произвело хоть какое-то впечатление, о слишком уж отвлечённых материях зашёл разговор. Профессор осознал свою ошибку и поспешил её исправить:

– Выход резонанса оператора восьмого витка аналогичен энергии, которая высвобождается при взрыве сорока четырёх килограммов тротила. Для девятого витка тротиловый эквивалент составляет четырнадцать килограммов.

Вот тут нас и проняло. Это ж какая мощь! Вот это да!

Заведующий кафедрой оглядел зал со снисходительностью взрослого, проходящего мимо детской песочницы.

– А теперь – о не слишком приятном обстоятельстве... – произнёс он не очень-то и громко, но все мигом заткнулись. – Во-первых, для достижения озвученных значений придётся много и долго работать над собой. Во-вторых, эталонным считается шестой виток. Вырабатываемая операторами этого витка мощность достигает четырехсот пятидесяти лошадиных сил,

а энергетический эквивалент резонанса равен взрыву трёх с половиной центнеров тротила. И третье, самое печальное обстоятельство: переход с витка на виток невозможен.

Озвученные значения вогнали в ступор, но профессору этого показалось мало, и он продолжил вбивать гвозди в крышку гроба моей мечты об обретении несказанного могущества.

– По существующей классификации разряды операторам присваиваются по сумме часовой выработки и выхода резонанса. На пике своего развития никто из здесь присутствующих не сможет подняться выше восьмого разряда. Никто и ни при каких обстоятельствах!

Поднялся ропот, который крайне своевременно перекрыл чей-то громогласный вопрос:

– Господин профессор! И что нам теперь делать?

Тот благожелательно улыбнулся.

– Совет один: не стоит грезить о великих свершениях, надо устраивать жизнь и получать специальность, которая позволит заработать на хлеб с маслом! Увы, составление сложных энергетических конструкций не для вас, но никто не пожалеет, если направит свои умения в созидательное русло! Заключайте контракты с частными работодателями! Они нуждаются в операторах сверхсилы! А государство – нет. Государство поставит вас в строй и заставит сражаться за интересы кучки политиканов и капиталистов! И не надейтесь на быстрое продвижение в армии! Что такое сорок четыре килограмма тротила по сравнению с бомбардировщиком, способным обрушить на врага тонну бомб? А кто вы в сравнении с артиллерийской батареей? Я вам прямо скажу – пушечное мясо! Выберите жизнь, а не смерть!

Округлое лицо профессора так сильно покраснело, что лично у меня в искренности прозвучавшего заявления не осталось ни малейших сомнений. От этого сделалось не по себе.

– А так можно? – вновь послышался всё тот же голос. – Мы можем заключить договор с кем угодно?

– Да, это так! – подтвердил завкафедрой уже спокойней, достал носовой платок и промокнул со лба испарину. – Будущий работодатель вложится в ваше образование, но этот долг окажется не слишком обременителен. И вам вовсе не обязательно овладевать особыми премудростями! Самый простой вариант – генерация электроэнергии. Себестоимость одного киловатт-часа составляет шесть копеек, а вам на руки заплатят не меньше четырёх!

И тут вопросы посыпались, будто из рога изобилия.

– А это много или мало?

– Сколько будет выходить в месяц?

– А какой график?

– Кто даст такую ставку?

– Где можно записаться?

Профессор Чекан поднял руку, призывая всех к молчанию, дождался наступления тишины и начал обстоятельно отвечать:

– Выход резонанса и работы на протяжении часа у оператора восьмого витка достигает ста тридцати семи киловатт, что обеспечит доход в размере пяти с половиной рублей. Мало? В месяц чистыми выйдет сто шестьдесят пять рублей! Один час работы в день обеспечит вам половину средней заработной платы! На восьмом витке можно входить в резонанс каждые семь часов, выводы делайте сами! И ведь нет нужды простаивать в промежутках!

Собравшиеся вновь зашумели, на этот раз – возбуждённо. И было из-за чего! Перспектива заколачивать за два часа работы столько же, сколько получает какой-нибудь счетовод за полный день, могла показаться соблазнительной очень и очень многим.

Но только не мне! Капиталисты выжимают из работников все соки, именно так сколачиваются и преумножаются состояния. И будущие живые генераторы энергии очень сильно удивятся, увидев установленные им нормы выработки. Да и в каких условиях придётся работать, тоже большой вопрос. Как по мне, так проще день-деньской в конторе бумаги с места на место перекладывать, чем снабжать энергией рудник где-нибудь посреди тайги.

Когда стихла очередная волна шума, профессор продолжил:

– Подобные условия предоставляют «Республиканская электрическая компания на паях», «Северное энергетическое общество» и многие генерирующие артели. Но контракты подписывать стоит лишь с аккредитованными организациями, поэтому настоятельно советуем предварительно согласовывать их со здешним стряпчим. Это совершенно бесплатно!

– А где можно посмотреть весь список? – раздался новый выкрик.

– Сегодня во второй половине дня центр посетят представители работодателей. А перед тем рекомендую получить учётные книжки и проконсультироваться с сотрудником института сверхэнергии. На электричестве не сошёл клином белый свет, это самая неквалифицированная работа. Если у кого-то имеется склонность к генерации тепловой энергии, есть смысл обратить внимание на вакансии металлургических предприятий. И для телекинетиков тоже найдётся куда более высокооплачиваемая работа. Сварщики, монтажники-высотники, да мало ли какие варианты предложат? Дерзайте!

– А государственные вакансии будут?

– Будут, – подтвердил профессор без запинки, но с откровенной брезгливостью. – Только запомните: в контракте с частными работодателями заранее пропишут все ваши обязанности, а государственная кабала на следующие пять лет превратит вас в бесправного раба! И не сомневайтесь даже, что использованы ваши уникальные способности будут наиболее нерациональным и даже извращённым образом. Скорее всего, вам поручат самое мерзкое из всех только возможных занятий: убивать себе подобных! Я призываю вас сделать правильный выбор и предпочесть созидательный труд служению кровавому ремеслу войны!

На этом лекция и подошла к своему логическому завершению. Зал я покинул в откровенно расстроенных чувствах. Работать на износ, в поте лица обеспечивая норму прибыли капиталистам, нисколько не хотелось. Становиться под ружьё не хотелось ничуть не меньше. Для большинства постояльцев распределительного центра и тот и другой варианты были кардинально лучше их прежнего житья-бытья, а у меня с полным средним образованием имелась возможность зарабатывать сопоставимые деньги без всяких сверхспособностей.

И потом – девятый виток! Реши я заняться генерацией электричества, буду получать на руки примерно столько же, сколько получают чернорабочие; очень уж незначительные объёмы энергии смогу прокачивать через себя. Шестьдесят лошадиных сил – вроде бы немало, а на деле всё не очень здорово. Ещё и придётся какое-то время учиться, что тоже не бесплатно. Не могу себе этого позволить.

И в институт сверхэнергии меня тоже не возьмут – не судьба вместе с Ингой учиться.

Удивительно, но осознание этого факта не ужаснуло. Куда сильнее ранила собственная никчёмность. Стоило ли столько терпеть, чтобы в итоге оказаться у разбитого корыта?

Впрочем, один из моих мотивов ещё мог сыграть, и первым делом я побежал проведать местного стряпчего. Тот оказался свободен – остальные либо не восприняли совет профессора всерьёз, опасаясь связываться с юристом-крючкотвором, либо решили посетить его позже, когда будут на руках все необходимые бумаги.

– Чем могу помочь? – поинтересовался лысоватый мужчина средних лет с бухгалтерскими нарукавниками на локтях.

– Подскажите, пожалуйста, при заключении контракта с частным работодателем все льготы остаются в силе?

– Конечно! – заявил стряпчий, не задумавшись ни на миг.

– Но вот тут написано: «для поступивших на государственную службу», – заметил я, выложив на стол обтрёпанную вырезку газетной статьи о начале весеннего отбора соискателей. – Имеется в виду распределение через этот центр или именно государственная служба?

Юрист нахмурился и нацепил болтавшиеся до того на шнурке очки с толстыми линзами, бегло просмотрел текст.

– Ах, это! – разочарованно протянул он. – Нет, погашения образовательных кредитов в таком случае за счёт государственных средств не происходит. Но это не важно! Частные работодатели предоставляют собственные беспроцентные займы с хорошей отсрочкой возврата! С учётом будущих доходов такой подход куда более выгоден!

Более выгоден?! От крепкого словца удалось удержаться с превеликим трудом.

Кредит у меня уже был. Точнее – влезть в долги пришлось папе, оформившему ссуду для оплаты моего обучения в гимназии. И сумма с учётом набежавших за три года процентов накопилась немалая.

Думал избавиться от долгов одним махом, а мне предлагают влезть в новые!

Сумасшедший дом!

Как бы то ни было, я вежливо попрощался и заглянул в столовую, но обеденное время ещё не подошло. Ни к одной из компаний прибавиться не стал и поступил привычным для себя образом: отправился в библиотеку. Только, вопреки обыкновению, на картотечный каталог с беллетристикой даже не взглянул, попросил в читальном зале республиканский закон о сверхэнергии.

Брошюра оказалась потрёпанной и замызанной, дополнительно к ней были подшиты несколько более поздних изменений, что гарантировало получение актуальной информации, но удобству чтения несколько не способствовало. Пришлось изрядно пошелестеть желтоватыми страницами, прежде чем окончательно убедился в правильности толкования газетной заметки стряпчим. Все льготы и в самом деле распространялись исключительно на тех операторов сверхэнергии, которые поступали на государственную службу. Помимо этого, им гарантировалось бесплатное обучение и трудоустройство, но вот повлиять на распределение никакой возможности не было. Куда пошлют – туда пошлют, а пять лет отработки по стандартному контракту – это не шутки. Угодить на этот срок в армию мне несколько не хотелось.

Заодно убедился, что комендант центра отнюдь не был самодуром. В законе чёрным по белому оказался прописан запрет на обучение управлению сверхэнергией лиц, имевших склонность к асоциальному поведению. Таких на первоначальном этапе отсеивали рекрутеры, но угодить в категорию неблагонадёжных можно было и после инициации.

Попался на краже – отсеялся сразу. Ввязался в драку – второго шанса могут и не дать.

И даже более того – под строжайшим запретом для соискателей и абитуриентов находилась любая политическая активность. Они лишались права избирать и быть избранными, а после завершения обучения могли занимать выборные должности лишь в пределах Особой научной территории, единственным крупным населённым пунктом которой являлся Новинск. В остальном на стокилометровом удалении от Эпицентра располагались только несколько таёжных деревень.

Немудрено, что в столовую я пришёл отнюдь не в самом лучшем расположении духа. Просто оказался поставлен перед очень уж неприглядным выбором: мог либо найти какой-нибудь чрезвычайно выгодный частный контракт, либо сыграть в лотерею с государством и получить возможность списать образовательный кредит в обмен на заключение пятилетнего договора. А там – куда распределят. Может, все и неплохо обернётся...

Так думал я, получая на раздаче картофельное пюре с котлетой, тарелку солянки, ломоть ржаного хлеба и стакан компота. К обеду немного припозднился, поэтому свободных столов хватало с избытком, сел наособицу, но только выхлебал суп, как рядом устроил поднос с едой среднего роста паренёк с неброской и вместе с тем располагавшей к себе внешностью.

– Семён! – представился он, протянув руку.

Пришлось пожать её и сказать в ответ:

– Пётр.

Навязавший своё общество парень выставил тарелки на стол и начал хлебать солянку, но почти сразу отвлёкся и заявил:

– А здорово ты кулака на место поставил!

Лесть – великая вещь, вот только мне упоминание о стычке испортило и без того не самое лучшее настроение. Я через силу выдавил из себя улыбку и ничего говорить не стал, продолжил есть.

– Если ещё полезут, можешь на меня рассчитывать! – продолжил Семён, которого ничуть не смутила столь сдержанная реакция на свои слова. – Ты ведь из наших, надо держаться вместе!

Я недоумённо глянул на собеседника, тот в ответ постучал пальцем по значку февральского союза молодёжи у себя на груди. Это заставило приглядеться к Семёну внимательней. Каштановые волосы, стрижка полубокс, умные чёрные глаза, выглядит чуть старше остальных. Он был не из нашего отряда и, наверное, заметил символику союза, когда вместе ехали в автобусе.

Думаю, любой нормальный человек на моём месте лишь порадовался бы встрече с единомышленником, меня же она, скорее, раздосадовала. Я плохо сходился с незнакомыми людьми и отнюдь не горел желанием заводить новые знакомства. И уж точно не видел смысла делать этого в распределительном центре.

– Я собираюсь сколотить первичную ячейку. Никому не позволим себя задирать, да? – Он вновь протянул руку. – Ну, уговор?

Перспективы очередной стычки с кулаком и его прихвостнями меня не на шутку тревожили, вдвоём противостоять их нападкам было бы несравненно проще, а участнику полноценной ячейки о такой ерунде и вовсе не пришлось бы волноваться, вот только из головы не шёл запрет политической агитации.

Я не хотел угодить в список неблагонадёжных. А ещё терпеть не мог общаться с незнакомыми людьми. Это и решило дело.

Но даже так проигнорировать протянутую руку оказалось непросто – аж перекорёжило всего из-за собственно невежливости.

Переборол себя, слабину давать не стал.

– Не пойдёт, – буркнул я и уткнулся взглядом в тарелку с пюре.

– Да что с тобой такое? – опешил Семён. – Мы – оплот передового мира! По одиночке нам не выстоять под натиском буржуазных реакционеров!

Я покивал, соглашаясь с этими словами, и продолжил трапезу.

– Почему? – задал тогда собеседник прямой и конкретный вопрос.

Отмалчиваться было совсем уж невежливо; я пожал плечами и привёл самую очевидную причину:

– Комендант сказал – никакой политики.

– Да ничего он нам не сделает! Этот запрет незаконен!

– Законен.

– И что с того? – пристально уставился на меня Семён. – Струсил, да? Испугался? Так, может, ты значок для красоты носил, а на деле – буржуазный соглашатель?

Кровь прилила к лицу, но я переборол и смущение, и раздражение, продолжил молча орудовать вилкой.

– Чего молчишь? – На этот раз вопрос прозвучал откровенно угрожающе. – Язык проглотил?

– Когда я ем, я глух и нем.

Семён выругался, переставил тарелки обратно на поднос и пересел за другой стол. Меня это лишь порадовало.

Представители работодателей, с чьей-то лёгкой руки поименованные «покупателями», пожаловали вскоре после обеда. Кто-то воспользовался услугами извозчика, кто-то прикатил

на таксомоторе, несколько человек въехали в ворота распределительного центра на велосипедах. На улице к этому времени пекло уже просто невыносимо, поэтому расположились все в вестибюле административного здания, где было самую малость прохладней.

Поначалу от красочных плакатов и буклетов зарябило в глазах, да ещё соискатели набились в помещение, будто сельди в бочку, и приходилось тратить кучу времени, пробираясь от стенда к стенду. Впрочем, мог бы и не суетиться. Единственной более-менее перспективной вакансией показался специалист по сверхточной сварке, но с моей отметкой о слабой фокусировке потоков энергии ловить там было нечего.

В остальном же, такое впечатление, набирали разнорабочих со сверхспособностями. Везде декларировались минимальные сроки обучения, а о будущих ставках не упоминалось ни полслова. Исходя из разговоров, ситуация и вовсе складывалась абсолютно безрадостная: если те, кто вошёл в резонанс на восьмом витке, ещё могли рассчитывать на вполне приемлемые доходы, то мне с моими шестьюдесятью лошадиными силами предстояло вкалывать до седьмого пота за вознаграждение той самой лошади.

Одной, не шестидесяти.

Как бы то ни было, у столов гражданских «покупателей» всю толпился народ, они только и успевали что раздавать листовки и заученно отвечать на однотипные вопросы. А вот с небольшим опозданием пожаловавшие их армейские коллеги взялись проводить агитацию куда как более активно, не сказать – с огоньком. Для начала два подпоручика и мичман вдрызг разругались с помощником коменданта, а когда на шум свары начали подтягиваться соискатели, эта троица с шуточками и прибаутками высмеяла заявление профессора о том, что рекрутов станут использовать в качестве ударных единиц на передовой, после принялась вещать о том, что на флоте и авиации имеется сильнейшая потребность в несравненно более квалифицированных кадрах.

Назывались такие профессии, как акустик и активный подавитель шумов, постановщик оптических иллюзий и целеуказатель бомбометания, специалист дальнего обнаружения летательных аппаратов и наводчик зенитной батареи, ликвидатор торпедной угрозы и охотник на подводные лодки, координатор артиллерийской батареи и организатор контрбатарейной стрельбы, сапёр на дистанционное разминирование.

Посулы вербовщиков вкупе с надбавками за разряды и выслугу лет звучали весьма заманчиво, дополнительным стимулом было пожалование унтер-офицерских званий и снижение отработки до четырёх лет с возможностью уже сегодня перебраться в нормальное общежитие для рекрутов. Ну а сомневающимся намекали, что частники много обещают, но чем и в каких условиях придётся заниматься заранее угадать нельзя. А тут – стабильность.

Только нет, спасибо. Служба в армии точно не для меня.

Не подписывать контракт ни с частным работодателем, ни с государством? Был возможен и такой вариант. Но в этом случае при отсутствии средств на весьма недешёвое обучение способности сойдут на нет через три-четыре месяца сами собой.

Я покрутился, потолкался и в итоге жутко расстроился, но в уныние впадать не стал, взял себя в руки, отправился в администрацию за учётной книжкой с уже вклеенной фотографией и ещё двумя снимками, прицепленными к титульному листу обычной канцелярской скрепкой. Просто решил последовать совету профессора навестить присланного институтом консультанта, и – опоздал; к этому времени тот уже закончил приём и собрался уходить.

– Да вы только посмотрите! – взмолился я.

Подтянутый мужчина лет тридцати на вид с круглым, но при этом ничуть не полным лицом, короткой стрижкой и каким-то неуловимым намёком на военную выправку глянул в ответ с нескрываемым осуждением.

– Молодой человек! Мне противна сама мысль о сверхурочной работе, и благотворительностью я тоже не занимаюсь. Это противоречит моим принципам.

Я располагал тремя рублями с мелочью, поэтому тяжело вздохнул и покачал головой.

– Не уверен, что потяну консультацию в частном порядке.

Консультант сунул под мышку потёртый кожаный портфель и насмешливо прищурился.

– Неужто разорит пара кружек пива?

Я подумал, что вполне могу позволить себе такие траты и даже полез в карман за деньгами, но был остановлен сотрудником РИИФС. Пришлось идти вместе с ним в буфет при столовой.

– Мне светлого, – распорядился консультант, повесив портфель на крючок круглого стоячего столика; свою летнюю шляпу и мою учётную книжку он положил перед собой. – И бери сразу две!

Я так и поступил. Разменял в буфете свою единственную трёшку, принёс консультанту две пузатых запотевших кружки.

– Молодой человек! – возмутился тот и заглянул в мои бумаги. – Пётр! Ты ставишь меня в неловкое положение! Я не пью в одиночестве. Это противоречит моим принципам, и сейчас не тот случай, когда ими можно поступиться.

– А нам это не запрещено?

Консультант покачал головой, и я упрямиться не стал. Было невыносимо жарко и душно, а запотевшие кружки выглядели на редкость привлекательно и буквально манили взгляд. Опять же, мне требовалась консультация, а уже потраченные на выпивку деньги назад точно было не получить.

Пришлось идти за ещё одной кружкой.

– Какое самое слабое? – уточнил у буфетчицы, не спеша делать заказ.

– «Бархатное».

Его и взял. Вернулся за столик, снял фуражку, и консультант протянул руку.

– Альберт Павлович.

– Приятно познакомиться. Пётр.

На том формальности подошли к концу, мы выпили. И если я лишь глотнул тёмного пива, почти не горчившего и с приятным карамельным послевкусием, то консультант не отрывался от кружки, пока её не осушил.

– Ну-с, приступим! – объявил после этого Альберт Павлович и быстро пролистал мою учётную книжку. – Э-э-э, брат, не повезло тебе в последний вагон заскочить! На десятом витке горя бы не знал, а так – ни туда и ни сюда.

Я озадаченно вытаращился на собеседника, тот догадался о причине моего замешательства и улыбнулся.

– Не слышал разве, что некоторым румбам собственные названия дали? Первый румб четвёртого витка – это «Входной билет», а тридцать второй девятого – «Последний вагон». Дело в том, что энергия во время резонанса на первых трёх витках и с десятого по двенадцатый не прибывает в геометрической прогрессии, а копится в обычном режиме. Не спрашивай почему, просто прими к сведению, что возможности это ограничивает самым кардинальным образом, отсюда и такие названия.

– Ничего не понимаю, – чистосердечно признался я, отпив пива. – А чем тогда десятый виток лучше девятого?

– Востребованностью, Пётр, проистекающей из повышенной сопротивляемости излучению и малочисленности. Любой оператор может приблизиться к Эпицентру самое большее до внутренней границы своего витка, а с учётом нормального распределения, сам понимаешь, лишь единицы проходят инициацию в конце спирали. На десятом и одиннадцатом витках это случается немногим чаще. Всех их немедленно принимают на технические должности. Водители, санитары, егеря, чистильщики, дорожные рабочие. Вакансий много – людей мало.

Я оживился и напомнил:

– У меня сопротивляемость на уровне десятого витка!

Альберт Павлович приложился ко второй кружке, но её лишь ополовинил и снова взялся изучать учётную книжку.

– Около семидесяти процентов? Максимально высокий уровень для девятого витка, но само по себе это ничего не значит. Склонность к негативу добавила бы тебе очков в кое-каких учреждениях – жаль, не подтвердилась. О, абсолют! А нас почему-то не уведомили!

В голосе собеседника прозвучала искренняя заинтересованность, но он тут же поскущел.

– А-а-а! Понятно, – разочарованно протянул консультант. – Диагностировал ассистент, а доцент поставил эти выводы под сомнение. И восприимчивость к медикаментозному воздействию свидетельствует не в твою пользу. Высокая устойчивость, но не абсолют. Досадно. С абсолютном в анамнезе ты бы ещё в первый день распределение получил.

Я не удержался от обречённого вздоха.

– Что за абсолют-то?

– Полнейшая невосприимчивость к ментальному воздействию. С одной стороны, абсолют – это некомандный игрок, с другой – никакой эмпат не прочтёт его эмоций, и даже самый искусный телепат не сумеет навязать свою волю.

Разочарование я смыл длинным глотком пива.

– И что посоветуете, Альберт Павлович?

– Не падать духом! – ободряюще улыбнулся тот. – Я серьёзно, Пётр. Это самое важное. И думаю, частный сектор не для тебя. Дождись государственного распределения. Кое-какие интересные моменты в твоём анамнезе всё же есть. Атипичные для девятого витка, а к такому настороженно относятся, но на улице точно не окажешься. Пристроят к делу. Что бы вам на вводной лекции не вещали, всех пристраивают.

С этими словами консультант в один глоток влил в себя остававшееся в кружке пиво, нацепил на макушку шляпу и сунул портфель под мышку.

– Не вешай нос, Пётр! Всё будет хорошо! – заявил пребывавший в отменном расположении духа сотрудник РИИФС и отправился на выход.

– До свидания, Альберт Павлович, – пробормотал я и, в отличие от него, торопиться не стал, пиво допивал без всякой спешки.

Показалось то с учётом жары просто замечательным, и, хоть было лёгким, в голове приятно зашумело, возникло желание купить ещё одну кружку, но вовремя опомнился и делать этого не стал, вышел на улицу.

За время наших посиделок в буфете большинство «покупателей» уже успело разойтись, поредела и толпа соискателей. Я огляделся и решил, что численность обитателей распределительного центра сократилась как минимум вдвое. И человек десять ещё стояли у пропускного пункта в ожидании транспорта с вещевыми мешками и фанерными чемоданами.

Я заметил Семёна, который что-то втолковывал двум паренькам рабочей наружности, и подивился его неугомонности, но толком приглядеться помешала команда переодеваться для вечерних занятий физкультурой. После кружки пива ни подтягиваться, ни бежать кросс не хотелось, но деваться было некуда – поплёлся вслед за остальными. Порадовался лишь, что солнце начало к горизонту клониться, а то как-то очень уж неприятно кожу на спине пекло; не иначе, утром успел сгореть.

Переоделись, построились, после переклички приступили к упражнениям. Меня немного мотало, и нормативы давались куда тяжелее прежнего, но худо-бедно справился. А уже непосредственно перед кроссом выяснилось, что стычка в казарме без последствий для моего обидчика не прошла: ногу ему всё же вывихнул – пусть и несильно, но от пробежки тот отказался наотрез.

Инструктор лишь плечами пожал.

– Кто не бежит, тот подметает плац.

– Я не должен! У меня нога болит!

– Отказ от занятий приравнивается к нарушению режима. Поставить в известность коменданта?

– Нет.

Когда деревенского задиру послали за метлой и раздались обидные смешки, он кинул на меня столь убийственный взгляд, что сделалось не по себе. И хоть из кулацких подпевал в лагере остался только один, устроить «тёмную» они могли и вдвоём. И ладно если просто отмутузят, как бы голову сгоряча не проломили. Провинциальные нравы, насколько слышал, просты до безобразия.

Именно по этой причине, всякий раз пробегая мимо полуразобранных развалин бараков, я внимательно присматривался к строительному мусору и в особенности к доскам. А заметив искомое, сделал вид, будто завязываю распустившийся шнурок, присел и легко выломал из трухлявой деревяшки ржавый гвоздь сантиметров в десять длиной, завернул его в платок и сунул в парусиновый ботинок. Стало давить на стопу, но не слишком сильно, намозолить кожу точно не успеет, а у меня теперь будет какое-никакое оружие.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.